

Литературный альманах нескучного чтения ★ Январь 2025

СТЕЛЛА

Художественная проза, поэзия, публицистика, философия

С Новым 2025 годом
прекрасный
Санкт-Петербург

A nighttime photograph of a city street in Saint Petersburg, Russia. The scene is illuminated by warm streetlights and the glow of buildings. In the foreground, several cars are driving on the road. The middle ground features a large, ornate archway of white lights with intricate scrollwork and hanging garlands. In the background, a prominent clock tower with a red facade and white architectural details stands out against the dark sky. The overall atmosphere is festive and elegant.

НОВИНКИ

САЛОН МЕДИА ПРОЕКТОВ

**Издание книг
ПОДГОТОВИМ МАКЕТ
НАПЕЧАТАЕМ ТИРАЖ**

**Пишите, звоните,
готовьте рукописи.
Обсудим все условия.**

**Электронная почта
rifstella@mail.ru**

тел./факс.: 812 376 02 60

**Пишите в WhatsApp:
+7911 957 07 47**

**Книги, вышедшие в Издательском доме Stella в 2024 г.
В этом номере мы познакомим читателей с творчеством авторов**

**Литературный альманах нескучного чтения
Художественная проза, поэзия, публицистика, философия
Санкт-Петербург, «Издательский дом Stella»
Главный редактор Е.П.СИМОНЕНКО simon60@mail.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Елена КУЗНЕЦОВА</i>	
С новым годом!.....	3
<i>Марина ИВАНОВА</i>	
Зима.....	4
<i>Владимир СКВОРЦОВ</i>	
На побывку	5

ПРОЗА

<i>Евгений СИМОНЕНКО</i>	
Тёзка или случай в новогоднюю ночь. Рассказ	6

ПОЭЗИЯ

<i>Анатолий КАЗНАЧЕЕВ. Стихи.....</i>	11
<i>Ирина ИГУМНОВА. Стихи.....</i>	14

ПРОЗА

<i>Андрей ЕФРЕМОВ</i>	
Тайга. По следу... Приключенческая повесть.....	18

ПОЭЗИЯ

<i>Юрий ПЕЙСАХОВИЧ. Стихи</i>	48
-------------------------------------	----

ПРОЗА

<i>Владимир МЕРЕНКОВ</i>	
Две Екатерины. Рассказ	52

Милан ТЕШИЧ

ФИЛОСОФСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Причины, по которым теория эволюции не верна.....	61
---	----

Фотограф Владислав ВАСИЛЬЕВ

РЕПОРТАЖ

Главное – поймать мгновение на удачный кадр.....	73
Фото Владислава Васильева.....	75

НАЙДИ СВОЮ ЛЮБОВЬ GOKON В МОСКВЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Подбор участников по интересам, возрасту и социальному статусу
Еженедельные встречи с новыми людьми для расширения круга общения
Необычный формат знакомства в малых группах (от 3×3 до 6×6)

Как мы подбираем группу

Просто заполните анкету. Дальше мы подбираем группу на основании проверенных алгоритмов, опыта команды и ваших возможностей. Это общие интересы, социальный статус, возраст и другие критерии.

Мы всегда в поиске новых идей для вас!

В GOKON мы стараемся удивлять вас новыми форматами знакомств и услугами, чтобы каждая встреча была особенной.

В новом 2025 году у нас много идей, и мы уже готовы воплощать их в жизнь.

19 января в 17:00 мы впервые проводим Трансформационную игру – новый формат, который поможет не только познакомиться, но и глубже понять себя, свои цели и желания.

Свяжитесь с нами:
Whatsapp/Telegram +7 (925) 552-09-05
gokon.piter@gmail.com

С Новым Годом!

С НОВЫМ ГОДОМ!

Елена Кузнецова

Снег искрится за окном
Да метут метели.
На опушке в серебро
Кутаются ели.

Колокольчики звенят –
Дед Морозы в тройках.
Навестите и меня,
Вас ждала я столько!

Позастольничаем мы,
Посидим душевно
В белом облаке зимы,
В Новый год волшебный.

Подарите мне уют,
Да любви всем людям.
Поздравляем всех, кто тут.
С Новым годом! Будем!

ЗИМА

Марина ИВАНОВА

Липы за околицей
В белом серебре
Лёд на речке колется,
Стужа на дворе

Серебрятся инеем
Яблони в саду
И искрится блёстками
Солнце на снегу

В доме печка топится
В ней огонь горит
Рядом кошка моется,
Самовар кипит.

Разместились гости
За большим столом
Чтобы выпить чаю
С вкусным пирогом.

НА ПОБЫВКУ

Владимир СКВОРЦОВ

Леса сугробами покрыты,
ель у дороги, как монах,
берёзы, словно Афродиты,
сверкают мрамором в кустах.

Иду знакомую дорогой –
и сельский слышится мотив.
Строй сосен вытянулся строго,
своё дыханье затаив.

За поворотом показалась
деревня тихая моя,
ей что-то, видно, примечталось
под синим небом января.

Не замечает, как с пригорка
солдат спускается к реке,
ликуя сердцем, от восторга
перчатки комкает в руке.

Смотрю с улыбкой: шапку снега
надвинув лихо набекрень,
спит безпризорная телега,
уткнувшись в старенький плетень.

А через поле в ряби света –
навстречу солнечному дню –
розовощёкий мальчик чей-то
ведёт старательно лыжню...

ТЁЗКА ИЛИ СЛУЧАЙ В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Новый год – особый праздник. Его всегда ждешь с радостным волнением. И каждая новогодняя ночь запоминается, как правило, надолго. Но вот события одной новогодней ночи, которые мне довелось пережить, я, пожалуй, никогда не забуду.

А дело было так. Вечером тридцать первого декабря наша рота заступала в караул. Для многих из нас это был первый в жизни наряд, так как буквально на днях мы, молодые воины, закончили обучение в спецподразделении и приняли воинскую присягу. Позади полтора месяца нелёгких солдатских будней, заполненных до отказа занятиями по строевой, огневой, политической и другим подготовкам. Мы почти наизусть вызубрили уставы, и, наверное, разбудил нас ночью, каждый без запинки отчеканил бы, в чём заключаются обязанности дневального по подразделению или часового на посту.

Итак, всё это было позади. Мы стали полноправными воинами и готовились заступать в свой первый дежурный наряд по части. Я был назначен в караул на пост номер пять. Пятый пост, а проще говоря, склад ГСМ – горючесмазочных материалов, считался одним из самых сложных при несении караульной службы. Находился он за территорией части, рядом с глубоким оврагом. Именно на этот овраг инструкция рекомендовала обращать особое внимание, Именно отсюда следовало ожидать вероятного нападения...

Я заступал в караул в третью смену, то есть в 23 часа. Таким образом, волею судьбы я вынужден был Новый год встречать на посту. Но я не особенно огорчился, а скорее был горд оказанным мне доверием и буквально рвался на пост. И вот, наконец, моя смена. Церемония приёма и сдачи поста прошла нормально, как и положено по уставу. В учебке мы не раз отрабатывали подобные стандартные положения, и, можно сказать, что всё это мне было достаточно знакомо.

Приняв пост и проводив разводящего, я остался один. Близилась полночь. Надо сказать, что погодка выдалась самой подходящей для новогодней ночи. Выпавший

накануне снег прихватило легким морозцем, и теперь он приятно похрустывал под сапогами. А к вечеру прекратившийся было снегопад возобновился. И теперь в абсолютной тишине мягко кружились снежинки, пересекая полосу света от единственного на посту фонаря, висевшего под крышей склада номер один. Точнее, это был обыкновенный сарай, в котором хранились бочки с солидолом, маслами, керосином и другой всячиной. А чуть поодаль, у забора с колючей проволокой, который тянулся вдоль злополучного оврага, чернел в темноте еще один сарай – склад номер два. Дополняли этот неказистый пейзаж пара цистерн с горючим, несколько пустых бочек, да грибок с извещателем, то есть с системой сигнализации, с помощью которой в случае опасности следовало сообщать условным зуммером в караульное помещение.

На той стороне оврага сквозь снежную пелену проглядывались огоньки небольшого посёлка. В этот поздний вечер его жители, конечно, готовились к встрече Нового года. До его наступления оставалось не больше получаса. Время от времени со стороны посёлка доносилась музыка, пение, смех. Чей-то женский голос кого-то упорно звал: «Васька, Васька, Васька! Да где ты запропастился, будь ты неладен».

«Похоже, кто-то уже «встретил» Новый год, – весело подумал я, – ишь как жена надрывается».

Поправив на шее автомат, я засунул его под тулуп, чтобы немного отогреть затвор. На морозе остатки смазки замерзают, и тогда возможны любые неприятности. Делать было решительно нечего, и я подумал, что не плохо бы ещё раз обойти пост, проверить замки на дверях, печати. Обход занял около трёх минут. Всё оказалось в порядке. Кругом по-прежнему лежала глубокая тишина, изредка нарушаемая весельем в посёлке. Вернувшись к грибку, я трижды нажал на кнопку извещателя, что являлось одновременно и проверкой сигнализации, и сообщением о том, что на посту все спокойно. И тут я заметил у извещателя еще какую-то ручку. Не знаю, может её назначение и объясняли нам на занятиях, только я пропустил. Одним словом, штуковина эта оставалась для меня загадкой. Немного поразмыслив, я решился дернуть за нее. Выждав минуту и убедившись, что ничего страшного не случилось, я дернул ещё раз. И так как снова ничего не произошло, я потерял к ней всякий интерес.

«Надо будет как-нибудь спросить у старлея, для чего эта штуковина», – вяло подумал я и направился к складу номер один. Там было посветлее. Но не успел я сделать и нескольких шагов, как вдруг явственно увидел, что колючая сетка забора затряслась, словно её кто-то дёргал. Мысли вихрем закружились у меня в голове. Я рывком сорвал автомат и передернул затвор – хорошо, что додумался перед этим сунуть его под тулуп – затвор сработал безукоризненно.

«Так, на каком участке забора враг решил произвести нападение?» – раздумывал я. Длина забора по периметру равнялась 450 метрам, и представлял он собой, как я уже говорил, колючую сетку из звеньев с неимоверно широкими пролётами. Так, что, если кто-то задумал атаковать пост со стороны оврага, форсировать забор за вторым складом, то у калитки и у грибка это будет явственно ощущаться по его дрожанию. Окинув взглядом забор, я ничего подозрительного не заметил. Оставался один вариант – овраг. Недаром инструкция требовала проявления бдительности именно к этому участку забора...

Но как же мне в данном случае поступить? Крикнуть: «Стой! Кто идет?» Но кому? Пока из-за сарая никто не показывался, хотя сетка и продолжала дрожать. Самому подойти и выяснить в чём там дело. А вдруг там засада? Значит, прежде всего, нужно сообщить в караульное помещение. Гм... о чём? О том, что на пост совершено нападение? Но где гарантии, что это именно так? А может это... «Нет, – решил я, – Надо прежде всё выяснить самому, соблюдая, разумеется, необходимую предосторожность».

И как только я пришел к окончательному решению, сразу же успокоился. Я сорвал с шеи автомат, плюхнулся в снег и, прижимаясь к нему всем телом, как нас учили на занятиях, пополз к складу номер два. Там, у боковой стены сарая одиноко чернела пустая бочка из-под солидола. Именно за ней я собирался укрыться и произвести скрытое наблюдение за приовражным участком забора.

До бочки оставалось ползти не более десятка метров, как вдруг я услышал топот множества ног. Приподняв над землёй голову, я увидел темные фигурки людей, которые, рассыпавшись цепью, быстро приблизились к забору и попадали в снег.

«Всё, окружили...», – с горечью подумал я. Продолжать путь к бочке не имело смысла. Возвращение назад тоже ничего не давало. Путь к грибку с извещателем также был отрезан, ибо проходил по открытой местности и мог очень хорошо простреливаться. Оценив ситуацию, я пришел в отчаяние. Оставался единственный способ сообщить об опасности в караульное помещение – выстрелить. О том, что выстрелом я смогу сразу же обнаружить себя, я как-то не подумал. А меня, похоже, ещё не заметили, может потому, что остановился я как раз в ложбинке и белый тулуп почти не выделялся на снегу.

«Вот так, придется тебе, Вася Рябинин, – это меня так зовут, – принять героическую смерть на посту». В том, что она будет героической, я несколько не сомневался. Живым я им не дам. Я уже представлял, как в дивизионной многотиражке на первой странице напечатают мою фотографию в траурной рамке и опубликуют очерк под заголовком «Он погиб как герой». Обидно всё же, что случится это так рано... Меня смущала, пожалуй, только одна мысль: откуда здесь, за тысячи километров от границы взялась столь многочисленная группа диверсантов? Однако осмыслить до конца этот неожиданный факт мне не удалось. Мои судорожные рассуждения прервал окрик:

– Рядовой Рябинин! Вы живы?

Голос кричавшего удивительно напоминал мне голос командира нашего взвода, начальника караула лейтенанта Коробова.

«Здорово действуют! Мало того, что узнали мою фамилию, еще и под лейтенанта работают, – поразился я, и еще крепче сжал автомат, – надо стрелять, надо вызывать подмогу...»

– Рябинин! Василий! Отзовись! – снова крикнул кто-то. На этот раз кричали голосом нашего разводящего, сержанта Метелкина. Тут уж в голове у меня все пошло кувырком. Сомнений быть не могло. Это голос сержанта. Подстроиться под голоса двоих известных мне людей по плечу разве что Владимиру Винокуру. А откуда ему тут взяться? Но если кричат наши, каким образом они оказались здесь? И что за таинственные фигуры залегли у забора?

– Василий! Да отзовись ты, наконец! – услышал я ещё один знакомый голос – моего соседа по казарме и сменщика на посту рядового Славина. Несмотря на невероятность происходящего, окружение поста осуществили действительно наши. И тогда, поднявшись с земли, я крикнул:

– Разводящий ко мне, остальные на месте!

С земли поднялась одна из фигур и двинулась в мою сторону.

– Осветите фонариком лицо! – приказал я на всякий случай.

Фигура повиновалась, и я узнал Метелкина. Подбежав ко мне, он схватил меня за плечи.

– Ты не ранен? – беспокоено спросил сержант.

– Нет, не ранен, – буркнул я.

Метелкин махнул рукой и вскоре меня окружили лейтенант Коробов, рядовой Славин и другие ребята: словом, вся отдыхающая смена караула

– Рядовой Рябинин, почему вы подняли тревогу? Доложите обстановку, – потребовал лейтенант.

– Какую тревогу? Никакой тревоги я не поднимал.

– То есть, как не поднимал!? – возмутился лейтенант. – Чем же вы иначе объясните, что мы здесь?

– Сам удивляюсь. Я только собирался поднять тревогу, – искренне ответил я, соображая, что событие, которое мой мозг минуту назад оценил как трагическое, с непостижимой скоростью непонятным мне образом превращалось в комедию, в которой мне отводилась глупейшая роль...

И тут я стал потихоньку кое-что понимать. А ведь этот рычаг... Вот, оказывается, для чего он! Дублирует кнопку. Нажал три раза – проверка сигнализации, один раз – сигнал тревоги...

Я вскинул голову и твердо посмотрел Коробову в глаза.

– Товарищ лейтенант, тут такое..., – и я осёкся, глядя на сетку забора. Она яростно затрепетала. Проследив за моим взглядом и поняв все без слов, прибывшая группа во главе с начальником караула молча бросилась в снег и поползла в направлении бочки, доползти до которой мне не дали несколько минут назад. Первым достиг ее лейтенант. Приподнявшись, он выглянул из-за бочки и некоторое время что-то там высматривал. А затем вдруг неожиданно рухнул наземь и, издавая какие-то странные звуки, принялся кататься по снегу.

Перехватив автомат в руку, к Коробову бросился обеспокоенный сержант Метелкин. Он лишь на мгновение склонился к лейтенанту, и тут же поднялся над бочкой. А затем, охнув, как-то медленно осел на снег, и автомат вывалился из его ослабевшей руки.

Творилось что-то непонятное. Срывая на ходу автоматы с плеч мы в несколько прыжков очутились около бочки. Однако то, что открылось нашему взору, было столь неожиданным, что растерянные ребята секунду стояли в полном молчании, а потом с хохотом повалились на снег. И лишь я стоял и оцепенело смотрел на невесть откуда взявшегося козла, который, тряся огромной бородой, с аппетитом жевал соломенную крышу нашего склада номер два. Задняя стена сарая была значительно ниже передней. К тому же за сараем намело огромный сугроб. Но даже в этом случае добраться до заветной соломы козлу было бы не под силу. И тогда он принял единственно верное решение: встал на задние ноги, поставив передние на наш забор, то есть, на сетку. Всякий раз, когда козёл тянулся к крыше за очередной порцией соломы, сетка прогибалась, вызывая дрожательный эффект у соседних звеньев. Это-то и сбilo меня с толку. Но кто мог подумать, что за «нарушитель» скрывается за сараем.

– Ой, Васька, ну уморил! – веселились ребята, и снова хватались за животы.

При слове «Васька» козёл перестал жевать и уставился на нас. И тут меня осенило.
– Васька – Васька – Васька, – позвал я.

Козёл доверчиво мотнул головой, покосился на меня, и вновь принялся за солому. Вот значит, какого Ваську звал женский голос. И я высказал лейтенанту Коробову своё предположение. Так потом и оказалось. Но это было потом, а в тот момент мне было не до смеха. Я последними словами ругал козла Ваську, сделавшего меня всеобщим посмешищем.

И вдруг – в который раз уже «вдруг» – наше веселье нарушили ружейные выстрелы. Мы снова схватились за автоматы, пытаюсь сообразить, что же случилось на этот раз. А выстрелы продолжали рвать ночную тишину. И доносились они со стороны посёлка.

– Что они там, с ума посходили? – произнес рядовой Славин.

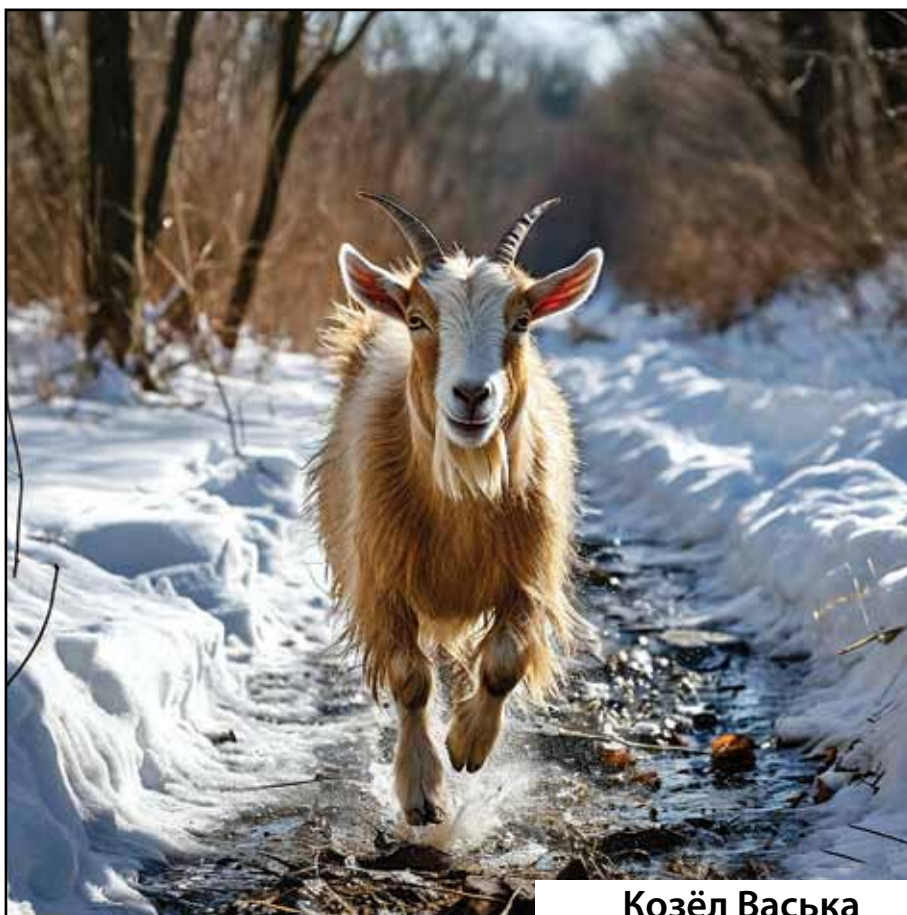
Наше недоумение развеял лейтенант Коробов.

– Ничего особенного, просто наступил Новый год, с чем вас и поздравляю.

Он пощёлкал пальцами по стеклу своих наручных часов, где обе стрелки застыли на цифре 12.

– Ура-а-а! – закричали мы хором и принялись обниматься. И хотя часового на посту обнимать по уставу не положено, меня тискали с особым восторгом.

Вырвавшись, наконец, из дружеских объятий, я увидел, что козла больше нет. Испуганный выстрелами и нашими криками, «нарушитель» во весь дух мчался по склону оврага в направлении посёлка.

Козёл Васька

ПОЭТУ НЕОБХОДИМ ПОЛЁТ

Должен сказать, что любителям «лёгкого» чтения в поэзии Казначеева будет неуютно. Едва ли не каждая стихотворная строка требует осмысления. Не смотря на то, что лексику автор использует самую разговорную: никаких неологизмов, академизмов и прочих заумных «измов» в текстах нет. А что есть? Есть образы, созданные мастером слова из света, теней и полутеней. Всё выходит из света и в свет возвращается. Важно лишь найти верный стиль, подходящий слог, неизбитую рифму...

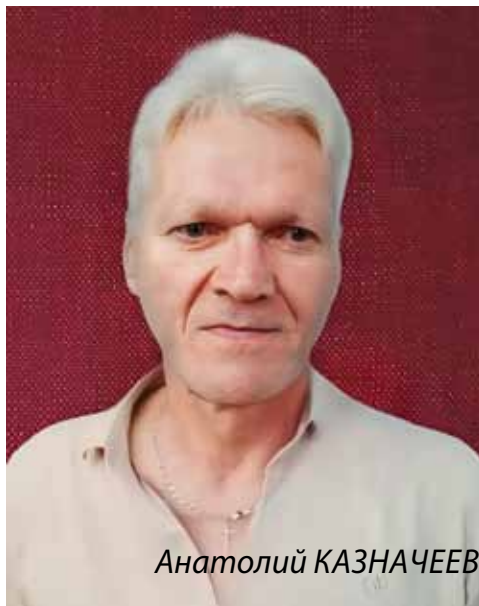
Анатолий Казначеев не только поэт, он большой художник, живописец. Уверен, его картины будут выставляться и в российских картинных галереях, и зарубежных музеях...

Поэзия и живопись двуедини в сознании художника. Возникающие образы – это всегда мимолётное мгновение, прозрачное, как акварель. И то и другое, по сути, призрачные вещи. Если их тут же не запечатлеть на полотне или бумаге, они остаются только в его памяти, и то не навсегда...

Моментами его стихи и картины похожи на засвеченную плёнку, когда и тени едва видны в знойном мареве Обводного канала. Ассоциативность у Казначеева гулка и блуждающая в обширном поле предвечного заблуждения с поиском решительного выхода из этих мыслящих казематов. И если вас поразит какое-то парадоксальное видение, вы ещё не раз с ним встретитесь в этой книге.

Художник создаёт мир гармонии, который вначале может показаться антигармонией. Ибо он продирается к совершенству через диссонансы и ссадины остаются на теле его творений... Поэт перед листом бумаги терзается, омрачая белизну словами, знаками, сомнениями. Вдохновение, ясновидение, прозрение вовсе не является карманным даром, который всегда при тебе. И здесь мы совсем близко подходим к вопросу о назначении поэзии. Перемахнуть через пропасть – как? Одним прыжком не получится, а тройной прыжок не годится. Что остаётся? Полёт!

Владимир ШАЛИ

Анатолий КАЗНАЧЕЕВ

Подборка стихов из поэтического сборника "Я любил тебя как водку"

ТРУДЫ

Я играю плохое шампанское
В захолустных театрах мира
Вместо швабского пью татарское
И Камал мне родней Шекспира

Я – маэстро! махаю палочкой
Мой оркестр непростой шахтёрский
Оркестровыми ямами – галочками –
Карта мира изрыта пёстро

Я – волшебник, струна перетянута
Вместо Ля – Си биболь – не веришь?
И бежит мой отряд в атаку так
Как бы Моцарт с душой Сальери

И картины под краской светятся
Сознавая свою невинность
И уже по-другому лепится
Неуклюжих потерь провинность

Я – мечта! мысль безвестная редкая
Вместо музыки вместо весны я
Посмотри: я сижу на ветке
У твоего окна

ИГРЫ

снаряд отскочит к искомой точке
в пределах чужой половины поля
любая рытвина или кочка
задаст ему нужную траекторию

и даже если не та разметка
погода дрянь и судья несмелый
в бескрайнем поле найдётся клетка
темнее чёрной светлее белой

чужая рука не простит слабинки
я ферзем стану среди бубновых
и шарик скатится по ложбинке
мои картинки рисуя снова

моих рецептов молитв и маршей
твои ли пальцы разглядят фуги?
смывая с клавиш белила с сажей
по всей вселенной во всей округе?

я отскочу как волан от сетки
и хоть давно космонавтом не был
я приземлюсь на твоей планете
где каждый кубик (:::)к небу

НА БОК OFF

Если бы всё шло своим чередом
Просыпался бы я просто из любопытства
Любил бы всё редкостное, имел свой дом
В шалаше при роскоши до бесстыдства

Может быть потому что я глупо мнимый
В играющей нам на руку вселенной
Эти души русских глаголов гибнут
Прикасаясь к судьбам ирин и ленок

Может потому ночные трубы не будят
И от стольких закатов не слепну
Что чертил благородным циркулем дуги
Вход – откуда выхода нету.

АРМАГЕДДОН

Дымная тень набегаая змеится
Мёртвые кони несут колесницу
Через снега неизвестность сквозь пламя
Рвётся чёрное знамя

В огненном шёлке сгорают планеты
Взгляд под забралом тревожен и светел
Тонкое древко поёт и трезвонит
Смятое в сталь ладони

Чёрное знамя у самого неба
Шёлковый череп хохочет и бредит
Пепел в орбитах – рваные космы
Рыжею паклей в космос

Только одна не сгорает планета –
Та, где забыл я купить сигареты
Там, где с тобой по каналу гуляли,
Возле причала стояли, молчали,
Между Харибдой и Сциллой промчали,
Хоть и стояли молчали...

Мутные воды, о, воды канала,
Как мне свободы тогда не хватало!
Тонкое горлышко мы целовали,
Чёрный коньяк с синим небом мешали...

Русло канала, а русло канала,
Как берегов и воды твоей мало!
Как мне противны мои сигареты,

Тонкое горлышко коньяка...
Как всё не так...

Кони храпят изрыгая иней
Мчат колесницу по млечной пустыне
Там высоко где ни смерти ни мрака
Реет прозрачный флаг

Звёзды сшибают тяжёлые копья
Сонные рати поднялись из топей
Медные латы под жирной пеной
Ртутью дымятся шлемы

ОБ АВТОРЕ

Летом 2024 г. в издательском доме «Стелла» вышла книга стихов Ирины Игумновой «В таинственном движении времён». Это второй поэтический сборник поэтессы.

Первая ее книжка под названием «Странствие души» увидела свет еще в 2019 г. и была тепло встречена читателями. Вот что говорит автор о своем творчестве:

«Прикоснувшись к процессу создания книги, я осознаю ответственность за то, о чём хочу поведать своему читателю. Открывая неизведанное для меня пространство среди суеты обывательской жизни, рождающаяся книга меняет меня саму. Слово бы происходит таинственная метаморфоза превращения гусеницы в куколку, которая даёт возможность родиться в совершенно другом качестве...»

АКУШЕРКА

Я не поэт, я просто акушерка.
Нет, не поэт, помилуйте же, нет...
Поэтов настоящих образ дерзко
Меня волнует вот уж много лет...

И часто я, готовя женщин к родам,
Читаю им порой свои стихи
О радости, о красоте природы,
О жизни и, конечно, о любви ...

Стихи плохи: без рифмы, с рваной строчкой,
А иногда и вовсе строчки нет...
Какая разница? У мамы скоро дочка,
А может сын появится на свет...

Я женщин этим отвлекаю, что ли...
Порочных мыслей разрывая круг,
Читаю стих, чтоб стало меньше боли,
В глазах улыбка засияла вдруг...

Я говорю, путь закрывая страху,
Стихами тихо им твердя: держись...
Мы жизнь свою, как голову на плаху,
Кладём, и дальше продолжаем жизнь.

Мы все – от главврача до санитарки,
Один большой сплочённый организм.
А вам то что? Ни холодно, ни жарко.
Друг другу мы твердим: держись, держись...

Всё чаще урезается зарплата,
Снабженью «позавидует» любой...
Но Гиппократу мы давали клятву.
Глоточек кофейку – и снова в бой...

Ругаемся и спорим меж собою...
Бывает - жизнь у каждого своя.
Но здесь живём сплочённою семьёю,
Одним большим комплектом малых «я»

Здесь люди честно долг свой выполняют.
Ты их в своей молитве помяни...
Пусть аисты, как ангелы, летают,
Для новой жизни продолжая дни.

ВРЕМЕНА

Пронзила небеса стрела –
Адмиралтейская игла.
Чудесным образом она
Соединила времена.

Машины затерялись где-то.
Вокруг – старинные кареты.
Дворцы. Наряды. Кавалеры.
Балов роскошных атмосфера.

Отрывки дивных сновидений
На Невском снова, словно тени.
Каледоскоп былых иллюзий.
Скрип экипажей, кони, люди...

Вот Пушкин проезжает рядом.
Карету провожаю взглядом.
Во мне звучит через века
Его нетленная строка.

«Живётся лучше в двадцать первом?» –
Спросил бы он меня, наверно.
«У вас разрешены дуэли?»
Мы с ним бы в Летнем парке сели,

Поговорили допоздна
О том, что наша жизнь странна...

Здесь Гумилёв гуляет, глядя
На облака по синей глади.
Его чарует красота
Александрийского столпа...

Один убит, другой расстрелян.
Огромный мир для нас потерян.
Ты где, народная тропа?..
Молчит безлика толпа

На каменном аэродроме.
Мне ничего не видно, кроме
Полёта белых облаков
Над кружевом былых веков...

Прости, мой город вдохновенный,
Такой прекрасный и неверный.
В цепях, мечтая о свободе,
Душа покоя не находит.

Ответ ношу в себе издревне,
Мне легче дышится в деревне.
Здесь над землёй многострадальной
Наббатовым звон плывёт печальный.

Над куполом монастыря
Вновь разгорается заря,
Монахи по делам спешат
И к Богу тянется душа.

* * *

Говори мне, мама, говори,
Жизнь свою рассказывай подробней.
Всю судьбу с начала повтори,
Я присяду рядом поудобней.

Расскажи, кто был кому родня,
Всё меня, поверь, интересует.
Нам не хватит для беседы дня,
Но тебя пусть это не волнует.

Связь времён ложится на листок...
Знать свой род обязан, верю, каждый.
Может, сквозь бездушия поток
В новый светлый мир придём однажды.

ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ

Травы по пояс волнами зелёными.
Полям идём, в эту землю влюблённые.
Ржание лошади где-то за роцею.
Шелест душистой травы недокошенной.

Запахи пряные будущей осени.
Небо высокое, ласточки носятся...
Здесь золотые колосья колышутся
И на просторах свободой дышится.

С песней кузнечиков спать не захочется...
Даже не верю, что скоро закончится
Лето, летящее яркими звёздами
В шум уходящего вечером поезда...

БЕРА

Мне остаётся веровать, что жив
Способностью испытывать порыв.
Пусть, заспанную память вороша,
Тихонько пробуждается душа...

Среди отчаянья, сквозь безотчётный страх
Пред вечностью, мерцающей впотьмах,
Я чувствую биение сердец
Детей моих... Смерть – вовсе не конец.

Я буду вечно продолжаться в них...
На этом, право, завершаю стих.
Мне остаётся веровать, что жив
Способностью испытывать порыв.

Пусть, заспанную память вороша,
Тихонько пробуждается душа...
Среди отчаянья, сквозь безотчётный страх
Пред Вечностью, мерцающей впотьмах

Я чувствую биение сердец
Детей моих... Смерть вовсе не конец.
Я буду вечно продолжаться в них...
На этом, право, завершаю стих.

* * *

На душе когда тоскливо,
Солнце в туче смотрит криво,
Плакать хочешь, а нельзя...
Позови! Придут друзья!

Осознав, что дело скверно
(телепатия, наверно),
Кроличью нору найдут,
За собою позовут...

О проблемах позабыто.
Ты девчонкою сердитой
Перестанешь быть сей час...
Р-р-раз!... Смотри скорей, Пегас

Расправляет крылья к небу.
Мы летим туда, где не был
Ты с друзьями никогда...
В страхе спряталась беда!

Творчеством, поверь, нормально
Создавать свою реальность
На драконах прокатиться.
Приручить и возвратиться.

* * *

Нам принесла зима неожиданно
Великолепие своё,
Снегами сеет неустанно
И колыбельные поёт.

Под пелериной белоснежной
Вновь светлых грёз полна земля.
Лес дремлет сладко, безмятежно
В перинах снежных февраля.

Морозный воздух чист, прозрачен.
Скользит снежинок хоровод.
Но в лёгком танце обозначен
Весны невидимой приход...

* * *

Я инструмент в невидимых руках.
Все качества подарены Тобою.
Любовью Ты ваял меня века,
Благословив отеческой рукою.

Над пропастью меня перенося,
(беспечно я Тебя не замечала)
Ты звал всегда к себе не осудя.
Судила я, грешила и роптала.

* * *

Ты бережно закаливал клинок
В огне страстей и горем остужая.
Моих эмоций зверь в углу примолк.
Всевышний, для чего тебе нужна я?

Услышан Твой призыв и Твой мотив.
Все качества мои — Твоё искусство.
Благодарю, что так ваял искусно,
Грядущих дней завесу приоткрыв.

Я инструмент в Твоих благих руках.
Владей же мной, в Тебе я исчезаю.
К Тебе молитвой укрощаю страх,
Свой вздорный нрав я преодолеваю.

НАСТРОЕНИЕ

Под пологом тумана
Встаёт седой рассвет.
Нет, не было обмана,
Но правды тоже нет...

Из лепестков струится
Черёмухи вуаль...
Того, чему не сбыться,
Невыразимо жаль.

Касания Создателя легки
На крыльях бабочки, как ветра дуновенье.
Я чувствую Его прикосновенье
Во взмахе кисти, трепете строки.

Мой дух Его рукой благословлён,
Сквозь сон души в мозаике событий.
Его дыханьем начинаю жить я
В таинственном движении времён.

НОЧНАЯ АЛУШТА

Посвящается Елене Захарченко

Я вместе с Вами по ночной Алуште
Пройдусь под плеск мерцающей волны...
Я наставленья Ваши буду слушать,
Качаясь на ладье седой луны.

Прохладный ветер пахнет свежим хлебом.
Пегас уносит в творческий полёт.
Прекрасен встречи миг под южным небом.
Что нам ещё судьба преподнесёт?...

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ирина Игумнова после Нового года планирует выступить с презентацией своей книги на встречах с читателями в различных библиотеках, районных социальных центрах, артстудиях. Желающие могут посетить мероприятия и приобрести книжку автора.

Справки по тел/вацапу: +7 921 325-91-20

Кроме того можете написать сообщение в ВК редактору: <https://vk.com/evgeniysimonenko> и задать все интересующие вопросы по книге Ирины Игумновой, а также об издании своих произведений.

ОБ АВТОРЕ

Андрей Николаевич Ефремов (Брэм) – писатель, христианский публицист. Ветеран боевых действий, служил в подразделениях МВД, имеет государственные и ведомственные награды. Автор книг «Блокпост-47Д» (ЭКСМО, Москва, 2009, 2019), «Военные пацаны» (ЭКСМО, Москва, 2010, 2019), множество публикаций в сборниках и журналах. Общий тираж изданных книг составляет более 3 млн. экз.

В этом номере альманаха предлагаем читателям познакомиться с первой частью приключенческой повести А.Н. Ефремова «Тайга. По следу...»

ТАЙГА. ПО СЛЕДУ...

Приключенческая повесть

Часть I

Не знаю, когда впервые появились слухи о том, что в непроходимых таежных дебрях Якутии обитают неизвестные науке существа. Якуты называли их «чучуна». По рассказам, кто-то из охотников, промысловиков, просто местные жители, собирая в тайге ягоды, находили огромные следы, похожие на человеческие. А уж мифов и легенд про чучуну, которые выдавались за чистую правду, в селах и деревнях Якутии накопилось огромное множество.

И что в итоге? С одной стороны нет никаких научных подтверждений существования так называемых «чучун», с другой - народная молва утверждает, что эти чудища есть. И даже кое-кто лично их встречал.

Но, как говорится, дыма без огня не бывает. Мы с друзьями пришли к общему мнению: в тайге существует нечто загадочное, и поставили перед собой цель – найти на это ответ.

Гоминоид Гоша Пролог

Лето 1968 года, где-то в глухой тайге.

- Каждой группой солдат руководят один сотрудник милиции и офицер Комитета. Взвод связи, о всей входящей информации поступающей от групп захвата – немедленно докладывать лично мне. В центре каждого квадрата находятся засады сотрудников ГРУ.

Полковник, вытерев платком пот со лба и отмахнувшись разлапистой еловой веткой от назойливого комара, продолжил:

– Они там со вчерашнего вечера находятся... «Объект», возможно и несколько «объектов» будут продвигаться к центру прочёсываемой местности, при задержании проявлять максимум осторожности!

Два армейских полка и спецподразделения построены в чистом поле с таким расчётом, чтобы образовался квадрат, в центре которого и стоит руководитель операции – полковник КГБ. Инструктаж предельно ясен, так что после вопроса полковника:

– Вопросы есть?

Прозвучало дружное:

– Никак нет!!!

– Напоминаю: операция ответственная, серьёзная, так что особо отличившиеся будут представлены к правительственным наградам!

Пожилой полковник, сняв фуражку, вновь вытер пот со лба, надел, сориентировал кокарду по вертикали с переносицей. Выдержав паузу, ещё раз внимательно оглядел строй подразделений. Скомандовал:

– Приступить к операции!

Зашумели двигатели автомобилей, посыпались уставные команды и прочие соответствующие выражения взводных:

– По машинам!..

Транспорт повёз взвода по периметрам квадрата прочёсывания. Связисты завели дизель-генератор для питания бортовой радиостанции, взревел двигатель танка...

Далее:

Спокойная мирная жизнь капитана Андрея Брэм основательно расстроена: вследствие таинственной, и необъяснимой с точки зрения официальной науки, находки, его жизнь превратилась в бег с препятствиями. Найденные им в архивах официальные документы и секретные материалы не проливают свет на вопросы...

Глава I

Документальные свидетельства

Прежде чем рассказать о нашей летней таёжной экспедиции 2010 года, необходимо прояснить вопрос: кто такой чучуна, и что он из себя представляет. Сразу должен оговориться: я не уфолог, не «искатель приключений», не любитель-фанат чего-то таинственного и непознанного. Природа показала мне и моим друзьям нечто загадочное, и я поставил перед собой цель – найти на это ответ. Хочу предупредить читателя: в этом повествовании сермяжная проза жизни перемежается с околону научными статьями, но в любом случае – чтение довольно интересное. Но об этом несколько ниже, а для начала освежим в памяти общее представление о «снежном человеке».

Вот что удалось найти из различных более-менее достоверных источников: это существо – «Снежный человек» называют по-разному: палеоантроп, йети, реликтовый гоминид, агагве, гоминоид, «дикий человек», алмыс. В Якутии его называют чучуна (с ударением на последнем слоге. Правильно – чучунаа). Множество экспедиций со-

вершали энтузиасты, но ни одна из них так и не смогла предоставить убедительных фактов о существовании «снежного человека».

Так, еще в апреле 1926 года в газете «Автономная Якутия» был опубликован материал под заголовком «Чучуна», в котором приводилось множество фактов о встречах и даже стычках местных жителей с большим волосатым существом, похищавшем у населения продукты питания и умыкавшем женщин. Вот что о нём известно в наших краях на уровне легенд и слухов: часто издает резкий, пронзительный свист, бегаёт быстрее лошади, использует лук со стрелами, имеет железный нож, скрытен. Согласно рассказам очевидцев, особей чучуны в прошлом нередко удавалось подстрелить, однако, распространено суеверие о том, что кровь чучуны, если только она попадала на одежду охотника, или нож чучуны, если его вздумал забрать якут, сводила и охотника и всю его семью с ума, и через несколько дней они помирали. В остальном, все рассказы об этих существах чрезвычайно напоминают мифы и предания о снежных людях в других странах.

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ в своей статье «ЧУЧУНА МЕЧЕТ БУМЕРАНГ» описывает несколько случаев наблюдений чучуны в 80-х годах:

«Студент физического факультета Якутского университета Станислав Салтанов видел в окрестностях населенного пункта Тёбюлях трехметрового чучуну. Замерив потом его следы, юноша установил, что они достигали в длину 55 см. Рабочий Момского совхоза Г. К. Старков наблюдал в бинокль за передвижениями существа (рост выше трех метров), которое делало большие, по 3-4 метра, прыжки. Следы на песке свидетельствовали, по словам Гавриила Константиновича, о некоторой косолапости чучуны, причем глубина следа была больше, чем при отпечатке сапога обычного человека.

Жители Якутии Н. И. Потапов в местности, называемой Кюхары (Зеленый остров), и А. И. Старков в районе речки Хатыс-юрек также видели волосатых реликтов. У наблюдателей при этом сложилось такое впечатление: если рост у чучуны около двух метров, он оставляет следы длиной 35-40 см., – это молодой гоминоид; взрослые же особи, при росте три метра и выше, имеют след от полуметра и длиннее».

По поводу применения чучуной такого оружия как лук, лично я выражаю огромное сомнение, но Владислав Дебердеев далее пишет даже о бумеранге, которым владеет «снежный человек»: «Северный бумеранг изготавливается из рогов оленя, на которого чаще всего охотится «снежный человек» в этих местах. Чучуна бросает, мечет свое оружие таким образом, чтобы оно ударилось о землю и, отскочив от нее, то есть рикошетируя, получило новое направление полета и добавочный импульс для поражения цели. Особенно эффективно действует такой бумеранг, когда поверхность почвы бугристая, кочковатая.

К слову сказать, бумеранг испокон веков считался исключительной принадлежностью аборигенов Австралии, на других континентах он был неизвестен. Однако несколько лет назад при раскопках палеолитической стоянки первобытных охотников на оленей в пещере на горе Облезова гура польские ученые обнаружили сделанный

из бивня мамонта «европейский» бумеранг! Возраст его был датирован с помощью радиоуглеродного метода – 23 тысячи лет. Так вот сама собой напрашивается мысль: а нет ли здесь своеобразной ниточки или цепочки, протянувшейся через время, от палеоохотников из Польши к сегодняшнему палеоантропу из Якутии?..

– Изобретение и практическое использование для охоты северного азиатского, самобытного бумеранга свидетельствуют о достаточно высоком интеллекте чучуны, – убежденно говорит Семен Иванович Николаев (старейший этнограф республики, сам принимавший участие в «охоте» на чучуну в пятидесятые годы), – А посему совершенно неверно называть его «диким человеком» или другими именами и кличками типа «гоминоид», «антропоид». Это недостойно нас самих и унижительно для нашего волосатого сородича, который, по моему мнению, является мутантом. Кстати, неоднократные попытки наших цивилизованных современников повторить, воспроизвести бросок бумеранга успеха не имели. То ли нам не хватает знаний законов аэродинамики при изготовлении этого «примитивного» метательного снаряда, чтобы обеспечить нужную траекторию его полета, то ли нет у нас природной ловкости чучуны. Ну и, конечно, его удивительной, необычайной силы».

По поводу бумеранга могу сказать следующее: если бы это было действительно орудием охоты чучуны (снежного человека), то и в других странах и регионах о бумеранге, которым он пользуется, имелись бы достоверные свидетельства. Однако, таких свидетельств не имеется. Описанный способ метания бумеранга – попросту нереален: «добавочный импульс» от рикошета об землю ни один из известных метательных снарядов не получит, только торможение и изменение траектории полёта, – о прицельности можно забыть. О классификации чучуны как «мутант» – такого тоже не может быть: сведения о подобном явлении как «снежный человек», известны сотни, если не тысячи лет, и поводов в природе, например – ядерные взрывы или испытания химического оружия, для того чтобы человек с тысячу лет тому назад подвергся мутации ещё не было.

Железный нож. Трудно представить, как снежный человек бьёт кувалдой по наковальне в кузнице, выковыывая себе нож – это на уровне фантастики. Однако, вполне нормальный нож он может при себе иметь: охотники часто теряют хорошие ножи в тайге, но может и попросту украсть ночью на стоянке у людей, например у геологов – такое тоже нельзя скидывать со счетов.

При всём моём уважении к Владиславу Дебердееву, не могу не отметить: связь бумеранга с чучуной – несомненно, плод его уфологического фанатизма. Но описания встреч людей с чучуной сомнению не подвергаются. Также вполне может быть достоверной информация и про громкий свист, который издаёт чучуна – это вполне применимо при охоте чучуны на зайца: заяц, услышав свист, замирает и не шевелится, предполагается, что срабатывает рефлекс самосохранения: считает, что на него пикирует сокол. А неподвижный объект довольно трудно разглядеть на земле, но при этом легче добыть охотящемуся на него. Опытные охотники про это знают и используют свист в охоте на зайца, следовательно – чучуна весьма наблюдательное существо. Автор про этот метод прекрасно знает, но ни разу свист не применял: заяц животное быстрое, мелькает быстрее мысли.

Из статьи Максима Ершова (Москва) «В гостях у оленеводов», в 2007 г. он побывал в Алдане:

«Меня больше впечатлили рассказы русских коммунистов 30-х годов. Люди в те времена приезжали в Якутию строить социализм, в Бога не верили, фантазировать им

смысла не было, все описания встреч с мохнатым чудищем очень похожи. У эвенков есть легенда, что чучуна их дальний родственник. Когда зверь попадает в капкан, эвенки его освобождают, если он жив, к мёртвому даже не подходят. После данные места навсегда покидают и про встречу с родственником молчат. Существует поверье, расскажешь о чудище – умрёшь. Я думал, что это всё сказки. Мои безобидные вопросы о Чучуне вызвали в салоне джипа (когда Максим ехал в стойбище. Прим., автора) неловкую паузу молчанья. Мария Романовна сказала: «Мы едем в тайгу, говорить про зверя не нужно!» Внук тихонько шепнул, что его дядя охотник видел чучуну, потом дядя неожиданно умер. Никон обещал рассказать про этот случай, но в последующие дни, от разговора под разными предлогами ушёл».

В партийном архиве бывшего Якутского обкома КПСС был обнаружен любопытный документ, датированный 9 марта 1929 года. Приводится полностью.

Копия

В Ы П И С К А

Из протокола заседания Комиссии по выявлению и изучению памятников природы и старины при Западно-Сибирском отделе Государственного Русского географического общества, состоявшегося 9 марта 1929 года.

Слушали:

1. Сообщение профессора П. А. Драверта и студента Сибирского Института сельского хозяйства и лесоводства Д. И. Тимофеева – «Люди – мулены и чучуна по сказаниями тунгусов и якутов».

Докладчики знакомят присутствующих с распространенными среди якутов и тунгусов Якутии мнениями о существовании в горах Джюг-джюр и в северных горных хребтах Якутского края какого-то пока загадочного народа, известного у якутов и Аянонельканских тунгусов под именем «муленов», у тунгусов низовьев Яны – под именем «чучуна». Насколько известно, в литературе нет никаких сведений об этом народе. О случайных встречах с ними тех или иных отдельных лиц, преимущественно охотников-промышленников, существует только недостаточно проверенные рассказы.

По этим рассказам, «мулены» и «чучуна» рисуются как люди, стоящие на очень низкой ступени развития, живущие в одиночку, иногда в пещерах гор, одевающихся в примитивно сделанную одежду из звериных шкур и имеющие вооружение из копья, лука со стрелами, массивного грубо сделанного железного ножа. К поясу привешивается огниво. Иногда «мулены» и «чучуна» делают нападения на охотников и редких путников в районе их обитания – незаметно, как зверь, прокрадываясь к ним на близкое расстояние и выпуская в них одну за другой весь запас своих стрел. При всех нападениях «мулены» обычно издают пронзительный свист, который устрашающе действует на психику подвергающегося нападению. По словам докладчиков, отсутствие надлежащих данных о существовании этого загадочного народа, если действительно это особый народ, а не просто одичавшие, психически-больные или по каким-либо другим причинам удалившиеся из общежития представители существующих народностей («мулен» – в переводе на русский язык – разбойник), объясняется, надо думать еще и тем, что в силу суровых законов жизни Крайнего Севера, столкновение с муленами кончается обычно смертью одного из встретившихся и поэтому якуты и тунгусы весьма редко рассказывают о своих встречах с «муленами», «чучуна», опасаясь ответственности за их уничтожение.

Заслушав сообщение докладчиков, Комиссия постановляет:

1.Обратить внимание исследовательского общества «Саха кэскиле» в Якутске на желательность сбора и проверки сведений о «муленах» и «чучуна». Наибольший материал по этому вопросу может доставить население в районе Джюг-джюр и по Аянонельканскому тракту.

2. Связаться по данному вопросу также с якутской секцией Восточно-Сибирского отдела Государственного русского географического общества.

С подлинным верно: секретарь Комиссии т. Белоногов.

(Партархив Якутского ОК КПСС. Ф.9, оп. I, д.97)

Переписка Верхоянского окркома ВКП (б).

Также и в селе Барылас Верхоянского района экспедиция газеты «Якутск Вечерний» искала таинственного снежного человека – чучуну, которого якобы поймал в капкан местный охотник. Странное создание с полусобачьим, полуобезьяньим телом и головой, напоминающей человеческую, не раз появлялось в описаниях сельских жителей.

В тех местах с чучуной связано много поверий и страхов, однако до сих пор реальных доказательств существования такого создания обнаружить не удалось. Попытки экспедиции отыскать хотя бы клочки попавшегося в капкан создания ни к чему не привели. Суеверные охотники уничтожили их, опасаясь проклятия.

Эти мысли и документы я ни оспаривать, ни доказывать не собираюсь, не стану приводить далее великое множество небылиц и баек, а расскажу о своей «встрече» с чучуной. Приведу свидетельства своих товарищей, реальные доказательства: фотографии, рисунки.

* * *

Итак, 20 июня 2009 года. В тот день я с товарищами ставил сети на карася на таёжном озере в нескольких десятках километров от Якутска. Дождливую ночь провели неподалёку: в заимке Геннадия Расторгуева. Солнечным утром 21 июня выехали на УАЗе к озеру. С нами была собака Донна, и при приближении к повороту с гравийного тракта на лесную грунтовую дорогу она забеспокоилась, заскулила, начала тоскливо выть. Видно было, что Донна чем-то сильно напугана, хотя собака надо признать, по жизни довольно отважная, и видимого повода для беспокойства заметно не было.

Когда мы её выпустили из машины, она сразу же, попросту трусливо поджав хвост, убежала. Как выяснилось позже, она прибежала назад, на заимку Г. Расторгуева и долго не могла успокоиться: примерно с полчаса беспрестанно выла и скулила, чего раньше с ней никогда не бывало. Собрав на озере сети, рыбу, походили по лесу в поисках дичи и выехали.

Примерно километра за два до выезда на основной тракт, на обочине раскисшей от дождя грунтовой дороги наш водитель Роман Делавов заметил чёткие следы неизвестного существа. Существо прошло по грязи примерно пять метров, следы были чёткие, свежие. По всем признакам, прошло оно здесь с полчаса назад.

Внимательно рассмотрев следы, мы пришли к выводу, что этот след ни к одному из известных нам животных не принадлежит: размер и форма стопы как у человека, подростка лет двенадцати, маленькая пятка, неестественно большой и круглый большой палец, остальные длинные, по пропорциям раза в полтора длиннее, чем у человека; при ходьбе пальцы стопы плавно загибаются вверх, сама ступня плоская, прогнутая вниз. След довольно глубокий, сантиметра три – четыре. На пальцах, по некоторым глубоким следам это хорошо видно – заострённые не то когти, не то ногти. Всю цепочку этих следов мы сняли на камеру сотового телефона.

Рассказывает Роман Делавов:

– В этих местах были встречи людей с чучуной, но крайне редко. Вот, Гена Расторгуев, он здесь, в тайге, постоянно живёт, тоже, говорит, видел. Семья казачья здесь рядом проживает, по слухам и они что-то видели, но я с ними не разговаривал на эту тему. Один старый охотник, пенсионер МВД мне тоже давно рассказывал, что в этих местах встречал чучуну, но он уже несколько лет как помер... След этот не звериный, это точно: больше на человеческий похож. Могу, конечно, предположить, что это чучуна. Но кто поверит?

– Рома, а как ты следы увидел из машины?

– Чисто случайно. Холодно же было после дождя, ты же помнишь, а тут слякоть объезжаю и следы на обочине увидел человеческие, думаю – какой дурак тут босиком ходит? Пригляделся – ахнул: не человеческие! Ну и остановился.

Эдуард Сылларский рассказывает:

– Когда сети вытащили, я пошёл в лес, думал дичи настрелять. Но зверья не оказалось. Какая-то тишина была неестественная, будто всё живое вымерло. Чувствовал, непонятно почему, будто за мной кто-то наблюдает... Довольно неприятное чувство, никогда такого со мной не было. Обошёл несколько озёр, затем вернулся к стоянке. Да, таких следов нигде раньше не встречал, это явно не животное: больше похожи на человеческие, но форма довольно странная. Да, так и было: Рома остановился, выглянул в окно и говорит: – чучуна... – я его не понял, то ли шутит, то ли действительно увидел...

Мысли об интересной находке на подсознательном уровне всё это время не покидали меня, и в этом году я решил целенаправленно пройти по тем местам в поисках доказательств существования чучуны. Для начала решил собрать необходимую информацию, чтобы конкретно знать, к чему готовиться, что искать, и подыскать группу людей для экспедиции...

Далее:

Кропотливый сбор информации... Отважный исследователь капитан Андрей Брэм готовится к опасной экспедиции, друзья пытаются отговорить его от этой затеи... Давно умерший отец друга делится потаенными знаниями... Нервы на пределе...

«Чэ», – якутское выражение. самый короткий тост в мире. Но очень ёмкий: применяется по полной шкале от «за упокой», до «с Новым годом!». Кроме коротких тостов «чэ!» также применяется в разговорной речи в совершенно противоположных смыслах, например: «хватит!», «ладно», «хорошо», «достаточно», «продолжай», «заканчивай», «пожалуй, приступим», «может -хватит?!», «O`key!», «а не выпить ли нам?», «а давайте выпьем», «Кончай его, Семен!», «кончил дело – гуляй смело», «поехали!», «погнались!», «ключ на старт!», «стреляй!», «профессор, теперь можно синхрофазотрон выключить!», «пора спать», «рвём когти!», «выйду-ка я на крыльцо почесать своё», «ах, какой прекрасный вечер, сымай трусы, дорогая». В древности «чэ!» часто применялось при выбивании чурки из-под ног висельника, в таком случае ответного «чэ» уже не дожидались. С «чэ» заключаются пари, сделки, отказывают, ставят ставки, дают добро. Оборотом «чэ» можно очень выразительно подчеркнуть какую-либо умную мысль, например: «чэ, однако по поводу «чэ» как-то нужно найти время и написать научную монографию», – благодаря этому даже самая захудалая мысль начинает сиять всеми гранями научного бриллианта, и т.д., и т.п. Часто «чэ!» используется просто в зависимости от сложившейся ситуации, и при этом все прекрасно понимают – что к чему и что именно подразумевается под этим самым «чэ»! Прекрасные возможности даёт интонация, с которой произносится «чэ»! в тех или иных жизненных обстоятельствах, этим можно выразить весь спектр, всю гамму чувств и эмоций, известных человечеству. Все возможности этого уже мистического «чэ!» попросту невозможно кратко описать: это трудно поддаётся нормальному человеческому осмыслению.

Глава II Гипноз

За несколько недель до выезда в тайгу поговорил с опытными промысловиками, многие не отрицали существование чучуны, рассказывали об этом существе разные байки, приводить их здесь не считаю нужным, отфильтровал из всего только то, что посчитал самым достоверным. Самой интересной, и, полагаю, необходимой и нужной для поисковиков информацией поделился опытный потомственный промысловик Семён Борогоев:

– Ни я, ни мой отец с чучуной встреч не имели, надеюсь, и в дальнейшем их тоже не будет. Рассказывают разное... Я бы особо выделил это – чучуна обладает небывалой и мощной силой внушения, гипнозом: можно пройти мимо него и не заметить, может внушить человеку необъяснимый страх, вселить ужас и обратить в бегство со своей территории. Такие случаи бывали со многими охотниками.

Рассказывали – чучуна похищал продукты питания с таёжных стоянок людей, он следы оставлял – довольно огромного размера.

Я спросил Семёна:

– А как чучуна выживает в наших зимних условиях, морозы ведь и за пятьдесят – шестьдесят градусов бывают?

– Отец что-то рассказывал, – напряг память Семён, – кажется, говорил, что они как медведи впадают в зимнюю спячку, норы в земле роют, или берлоги делают... Да, и ещё – одевают на себя шкуры убитых ими зверей, делают обувь наподобие торбасов (якутская обувь). Вес у него довольно солидный, поэтому и следы глубокие.

В спячку, – это тоже информация.

Про себя сделал вывод: хорошо, что нынче не зима, может, что-нибудь стоящее и найдём.

– Но ты знаешь, мне это совершенно не интересно: байки всё это, рассказы.

– Ты же фотографии следов смотрел, и друзья подтверждают. Если бы обманывали, ты бы это легко определил, да и зачем нам это нужно. Даже Эдик, кажется, сам себе не верит, но ведь он своими глазами видел следы.

– Да, следы не зверя, но и не совсем человеческие. Таких следов нигде не встречал... Даже не знаю что и сказать. Вообще-то якуты говорят – никому нельзя рассказывать о «пещерном человеке» (одно из названий чучуны в районе горы Кисилях), можно навлечь на него уничтожение, а на себя неприятности. Ещё были случаи, говорят, когда чучуна похищал женщин, но это, наверное, слухи.

На моё предложение поехать с нами в экспедицию, Семён почему-то весьма нервно отказался, сославшись на то, что у него в эти дни дела в городе. А жаль: хороший охотник и следопыт.

Эдуард Сылларский добавил следующую довольно полезную информацию:

– Чучуна часто ночует в пустующих жилищах таёжных лесорубов, в заброшенных охотничьих зимовьях и заимках, на старых золотых приисках, в покинутых древних якутских жилищах. Следы его пребывания там часто видели, мне тоже знакомые рассказывали о подобных следах, разве что размером гораздо побольше (показал руками размер – примерно с локоть). По описанию, найденные нами очень похожи на те, думаю это следы чучуны-подростка. Просто неосторожно сошёл с травы на глинистую часть дороги, на обочину, вот и наследил. Геологи, продолжительное время находившиеся в тайге, также встречали это существо. Если повспоминать – много чего об этом можно рассказать. Но ты всё-равно не поверишь, знаю я тебя. Никогда не думал, что когда-нибудь сам увижу хотя бы его следы.

Отсюда следует вывод, что существование чучуны в якутской тайге – это не миф и не легенда. Эдику я тоже предложил войти в состав нашей экспедиции, но и он отказался, отшутился:

– Такое раз в жизни бывает, больше не повторится. Так что езжайте без меня. Вряд ли уже что-нибудь найдёте. Вот если бы на охоту... а так – только время терять.

Надо признать – Эдик, хоть и художник – человек в жизни довольно прагматичный, и уговорить его участвовать в довольно непонятном и зыбком предприятии попросту невозможно.

– Да, вот ещё что рассказывают, – добавил Эдик: – может это тебе пригодится: чучуна одевается в шкуры убитого им зверья. Сдирает с оленя шкуру целиком и натягивает на себя, когда шкура высыхает и начинает сильно стягивать тело, чучуна меняет одежду. При виде человека убегает, всегда ходит один. Резко и пронзительно кричит, пугает всех громким свистом. Даже волки его боятся. Представляешь, говорят – может по-рвать волка своими руками – до того сильный.

– Может, всё-таки поедешь со мной, Эдик?

– В жизни всегда есть место пофигу.

– Понял.

Несмотря на то, что Эдуард отказался от участия в поиске, примерно с месяц назад он нашёл довольно интересную статью, вероятно, этот вопрос и его заинтересовал не на шутку:

– Посмотри, Андрюха, какую я интересную вещь нашёл.

Это выдержка из статьи в журнале «Будущая Сибирь» (№6 за 1933 год), воспоминания профессора-геолога Петра Людовиковича Драверта, в своё время он путешествовал по низовьям Лены и Индигирки. Он приводит выдержки из дневника якутского студента, хорошего знакомого Драверта Д. И. Тимофеева, задокументировавшего рассказы местных жителей: «Когда остановишься на ночлег, растянув палатку, разведешь костер, сидишь за ужином, мюлен подкрадывается к тебе между кустами, как осторожный охотник, вооруженный луком, иногда камнями. Ростом он ниже среднего (другие говорят – выше). Волосы совсем не стрижены, большая часть лица покрыта шерстью. Одежда у него из звериной шкуры, шерстью наружу. На ногах – нечто похожее на торбаса (вид северной меховой обуви); вокруг головы натянута лента, представляющая головной убор. Вооружение – лук. На поясе привешен нож. Имеет огниво. Язык производит отдельные нечленораздельные звуки».

Эта убедительная статья несколько пошатнула мои сомнения в том, что у чучуны не может быть такого оружия как лук.

Неудивительно, что в большинстве своём суеверные северные охотники боятся встреч с чучуной. Чистые душой, и не запачканные плодами цивилизации, они чувствуют присутствие чучуны: многие опытные таёжные охотники, не видя добычу, с уверенностью могут сказать что животное где-то рядом, даже могут определить: хищник это или нет. А уж если рядом будет присутствовать чучуна, тем более: чучуна – это не животное, а близкий родич человека разумного.

Чувствуя агрессию либо настороженность со стороны невидимого существа охотники, конечно же, испытывая страх, могут утверждать, что подверглись внушению или гипнозу, и покидают эту территорию. При визуальном контакте с этим мохнатым, высокого роста, человекообразным существом, даже совершенно здравомыслящий человек может испытать страх: даже на подсознательном уровне человек в зверином обличье вызывает холодящий в жилах кровь, ужас.

После таких встреч появляются байки и выдумки, со временем, благодаря молве они обрастают различными нелепостями и вымыслами. При исследовании этого непознанного явления, считаю, просто необходимо иметь трезвое мышление, забыть про вредный в таких случаях и мешающий исследователю «уфологический фанатизм», и научиться отсеивать «зёрна от плевел».

Объяснить вымыслы про гипноз, якобы присущий чучуне, можно вполне вразумительно: в тайге невозможно увидеть ни зверя, ни человека, если они находятся без движения. Например – в лесу можно пройти мимо неподвижно стоящей косули, находящейся метрах в двадцати от охотника, и не заметить её. Засечь живой объект можно и боковым зрением только при движении животного, даже незначительном. Часто было такое, что группы охотников проходили в лесу мимо спокойно стоящего автора этих строк и не замечали, не видели его, до тех пор, пока он их не окликал.

Это и объясняет то, что когда мы нашли следы чучуны, его самого мы не увидели: возможно, это существо просто стояло неподвижно где-нибудь рядом, в чаще. А снять на камеру телефона окружающий ландшафт – в то время мы не догадались. Позже, в спокойной обстановке вполне возможно что-нибудь и рассмотрели бы. Но, во-первых – в тот момент мы были совершенно к этому не готовы, и, во-вторых – задача перед нами стояла вовсе даже не исследовательская.

Конечно же – хорошая мысль приходит, как правило, гораздо позже: при желании можно было просто накрыть следы подручными средствами: картоном от коробок,

обложить полиэтиленовыми пакетами, да мало ли чем ещё, и смело ехать за компетентными людьми, например в Северное отделение Российской Академии Наук, находящееся на улице Петровского. И вот, представим, заходим мы в этот филиал, нас внимательно выслушивают, и вежливо посылают... М-да...

Присутствие этого существа либо заметила, либо почувствовала собака Донна – это и объясняет её странное и нервное поведение. Из всех нас в малой степени почувствовал «слежку» или «присутствие» только Эдуард Сылларский. Вполне возможно – если бы мы провели в тайге недели полторы-две, и несколько внутренне «очистились» от цивилизации, то присутствие агрессивно настроенного существа, без сомнения, прочувствовали бы все. Недаром наиболее удачная таёжная охота бывает после первых, безрезультатно проведенных в тайге трёх-четырёх дней, когда человек более-менее внутренне очищается, и все чувства обостряются до предела. Вот тогда и появляется «внутреннее зрение»: человек начинает чувствовать присутствие находящегося рядом животного.

Кстати, о собаках. Донна – собака домашняя, а этот случай мне рассказал Иванов Владимир Алексеевич из Мирного: «Это произошло в истоках „ручья медных котлов“ (по якутски – Олгуйдах, прим., Иванова В. А.), и это трудно объяснить. Когда в первый раз попал в серьёзную метель, полностью утратил ориентировку и вышел на зимовуху по звуку от скрипа снега примерно метрах в десяти прямо передо мной, и без каких-либо следов. Причём, скрип раздавался с целью указать мне правильное направление, и прекращался, как только я начинал двигаться в указанном направлении. Пёсик мой, метис восточно-сибирской лайки с полярным волком, при этом вздыбил шерсть, хвост всунул меж ног и конец торчит чуть ли не впереди морды, и непрерывно скулил-трясся». Не секрет – то, что не видит человек, прекрасно чувствует животное.

Но, как выяснилось, люди могут и не прочувствовать близкое присутствие чучуны. В прошлом году, в декабре месяце, к нам из деревни приехала погостить моя родная тётя – Матрёна Прокопьевна, сейчас ей уже лет под восемьдесят. В последний вечер перед самым её отъездом я писал очередной рассказ в газету, вероятно вид у меня был довольно пикантный – пишущие люди поймут, о чём речь: какой-то особенный озноб, покалывание в пальцах, совершенно отсутствующий взгляд, будто я нахожусь не в этом мире, и проявление нервозности и раздражительности по любому поводу – когда родные отвлекают от работы. Это её заинтересовало:

– А что ты делаешь, Андрей?

Ничего лучшего я не смог придумать и ответил:

– Да вот, про чучуну пишу. Даже фотографии имеются.

Это подтолкнуло на дальнейший интересный разговор. С интересом просмотрев фотографии и мой рисунок, тётя заявила:

– А я «его» видела, и следы такие же.

Я даже подскочил:

– Не может быть! – появился охотничий азарт, – как это было?

Мотя под села рядышком, разгладила на коленях цветастое платье мне даже как-то уютнее стало, теплее.

– Это в конце сороковых было, после войны, мне тогда пятнадцать или шестнадцать лет стукнуло. Всей семьёй и ещё с кем-то пошли в лес за брусникой. В то время брусники много было: можно было просто сесть на землю и потихоньку вокруг себя собирать. Ты эту местность должен знать, вроде тоже там бывал. Мы с матерью вдво-

ём оказались в одном месте, остальные вне пределов видимости, но где-то рядом. Через какое-то время решили перейти в другое место. Когда обходили кустарник, кажется – шиповник, мы с мамой его и увидели.

– Чучуну?

– Ну да, его самого. Он сидел на корточках и ел бруснику, а когда нас заметил, встал и нас разглядывает. А мы тоже стоим, с места двинуться не можем, как будто столбняк охватил – ужас какой-то. Оцепенели мы, двинуться с места не можем. Словами трудно передать... Знаешь, страшно было, взгляд у него такой... осмысленный. Но я, кажется, по-настоящему даже испугаться не успела, а мама потом всё-таки закричала, он сразу и убежал.

– А как он выглядел?

– Очень высокий, выше тебя намного, но худой какой-то, наверно после зимы не отъелся ещё. Сутулый, если бы выпрямился, ещё выше стал бы. Руки длинные, ниже колен, густо покрытые то ли волосами, то ли шерстью – не поймёшь. В какой-то шкуре, сейчас уже не помню в какой, кажется – в оленьей... нет, в волчьей, и довольно длинные волосы на голове, это точно помню: ветер был и волосы развевались. Лоб такой – как у австралийца, нос сплюснутый и большой.

– А потом что было?

– Люди суеверные в то время были, когда на шум сбежались, быстро собрались и ушли. Сперва говорили – абаасы, потом вроде чучуну в нём признали. Когда ручеек переходили, на берегу такие же следы видели, только пальцы не такие длинные, покорооче малость.

– Размер стопы какой был, помнишь?

– Так думаю, где-то сантиметров сорок – сорок пять.

– А глубокий?

– Да, глубокий, вес то при таком росте порядочный, и на некоторых следах отпечатки острых когтей были заметны.

– Наверное ногти, всё-таки человек. Какие-нибудь звуки он издавал: свист или крики?

– Нет, только мама кричала, аж люди услышали, прибежали.

– Оружие: нож, лук у него были?

– Нет, ничего не видела. Дома потом долго разговоры были: никогда в наших краях ни до, ни после, чучуну не встречали. Этот, наверно, из Верхоянья как-то к нам попал. Там, говорят, их много.

– Кишмя кишат... А у него точно одежда звериная была, может это волосяной покров такой густой?

Мотя надолго задумалась, бровки нахмурила, на лице прибавились морщинки, стала губы покусывать:

– Ты чего меня путаешь, сынок? Сколько лет то уже прошло... Нет, мама тоже говорила, что он в шкуре был.

Чуть позже, когда мы всей семьёй пили чай, я, наконец-то снял с себя надоевший галстук в голубой горошек, и вспомнил про гипноз, которым чучуна якобы обладает, так и спросил:

– Мотя, вот говорят, чучуна обладает силой внушения, гипнозом, ты при встрече это почувствовала?

– Нет, Андрей, – после недолгого раздумья ответила тётя, – это у нас только хоро-

шие шаманы гипнозом владеют, – а от чучуны я этого самого гипноза не чувствовала. Только страх, и ужас невероятный. Аж от страха с места сдвинуться не могла – до того страшно было.

– Как в кошмарном сне.

– Да...

Итак – для начала можно конкретизировать несколько пунктов из всей этой мешанины более-менее достоверной информации:

– Чучуна вероятно может иметь при себе оружие – примитивный лук со стрелами или железный нож;

– Может иметь на себе одежду из шкур животных;

– Гипнозом чучуна не обладает, меня в этом не переубедить;

– Питается растительной пищей и мясом, всеядный;

– Всегда ходит один;

– Зимой впадает в спячку.

– Снежный человек – фигура не вымышленная и не мистическая...

Далее Вы узнаете:

Происходят ужасные вещи: группа зверобоев встретила в тайге агрессивно настроенного чучуну, один из охотников, испытав невероятный страх, даже поседел... Опытный капитан «раскалывает» пока ещё живого свидетеля...

Глава III Человек таёжный

Всё-таки мне удалось уговорить отправиться со мной на поиски Романа Делавова и его сына Сергея. Особого энтузиазма Роман не выказал, больше надеялся поохотиться, а вот Сергей очень обрадовался: какое-никакое, а приключение для его пятнадцатилетнего возраста предстояло довольно серьёзное.

Первый целенаправленный выезд в тайгу мы назначили на пятое августа этого года. Посоветовавшись, кроме всего необходимого, решили взять с собой и оружие: всё-таки – тайга. Взяли цифровой фотоаппарат, радиостанции, прихватили металлоискатель: мало ли что, вдруг в месте обитания чучуны нож или наконечники стрел найдутся – хоть это и маловероятно, но всё же. Запаслись продуктами питания на неделю, заправили машину.

В тайге решили остановиться у нашего друга – Гены Расторгуева: он живёт как раз в том районе, где нами были обнаружены следы этого существа. Машину оставим у него и будем ходить пешком.

Сергей, парень смелый: с малолетства в тайге, но когда мы были уже в дороге, он, задумчиво почесав свою белобрысую голову, спросил:

– А если на нас в лесу чучуна нападёт?

– Поломает нас всех, – не раздумывая, ответил отец, – порвёт как промокашку.

– Да?! – забеспокоился Сергей.

– Не волнуйся, Серёга, прорвёмся! – успокоил я его, – у нас же оружие.

– Ты, Андрюша, в человека стрелять собрался? – Серьёзно спросил меня Роман.

Теперь взволновался я:

– Так ведь чучуна.

– Так ведь человек, хоть и снежный. – Рома закурил, – а это, знаешь – криминал.

Услышав слово «криминал», вспомнил уголовный кодекс:

– Значит, будем действовать по закону: в пределах необходимой обороны. Нас трое, он один, следовательно – мы правы. У нас же в стране всегда так?

– Ну да, ну да, – неопределённо буркнул Рома, – закон – тайга...

На протяжении всей трассе буквально все дорожные знаки и плакаты густо прострелены картечью, разнокалиберными пулями и дробью – это разминаются хулиганистые охотники и злые, из-за плохих дорог, дальнобойщики – дикий, некультурный народ. Иногда попадаются стоящие у обочин покореженные иномарки – лихачи на огромной скорости задевают колесом на бровке грунтовой дороги песок и переворачиваются. Потом каким-то образом ставят машину на колёса, и, почёсывая уши-бленное темечко, ждут попутных уазиков с буксировочными тросами. Своих тросов почему-то ни у кого из них не имеется.

Уже приближаясь к заимке Геннадия, встретили группу старых добрых знакомых – охотников на УАЗе, поговорили, перекурили. Они поделились с нами карасями – выловили на каком-то озере. Проявят ли они своё добросердечие к лихачам – неизвестно: чай, не зима.

К Геннадию приехали поздно вечером, смеркалось, повеяло прохладой. Пока не стемнело, решили поставить сети на речке, на берегу которой и жил хозяин дома. Пока мы с Геней ставили на резиновой лодке сеть на щуку, Рома уже почистил карасей, Сергей наколот дров и растопил печку. Пока выкладывали на стол привезённые с собой продукты, Гена уже нажарил карасей – всё делается слаженно – как всегда. Запас продуктов, привезённых лично для Гены, оставили в снях.

Стемнело. Геннадий включил электрическую лампочку, висящую на раме окна – электричества здесь нет, поэтому используется автомобильные аккумуляторы и двенадцативольтовая лампочка.

Таёжный человек Гена – пенсионер, лет под шестьдесят, роста ниже среднего. В этом одиноком лесном доме, живёт с детства: достался по наследству от бабки с дедом; когда-то здесь были их сенокосные угодья, сейчас же всё хозяйство захирело. Супруга умерла несколько лет назад, сейчас он живёт в одиночестве. Дочка с семьёй проживает в городе, сам из родового гнезда никуда переезжать не собирается. Так что всегда рад всем, кто к нему приезжает в гости: есть с кем поговорить.

– Ну, давай, Гена, рассказывай, как живёшь-можешь?

– Да что рассказывать, живу помаленьку. Тоскливо одному. Хорошо, что вы приехали. А то хожу как леший, сам с собой разговариваю.

– Чем занимаешься? – спросил я его, продолжая откусывать аппетитного жареного карасика, – давненько я у тебя не бывал. Может тебе книги, газеты привезти?

– Да, если возможность будет, привези. Знаешь – детективы люблю читать, про войну что-нибудь. А то эту недавно читал... как его... а, Евгения Онегина, так уснул, понимаешь. Если наших писателей увидишь – Федосимова, там, или Ариадну Борисову – обязательно возьми. Твои книги уже несколько раз перечитал.

– Пенсии то на жизнь хватает?

– О-о! Даже остаётся, дочке всё отдаю. Мне-то что, булки хлеба на неделю хватает, продукты все кому не лень привозят, тушонка вон стоит, не знаю куда девать, – Гена показал на большую картонную коробку возле буфета, – макароны. Вы, наверное, опять что-то привезли. Не надо мне ничего, меня и река, и лес кормят.

Рому это заявление видно задело:

– Ты это... товой... давай, прекращай так говорить...

От разговора ни о чём я плавно перешёл к главному вопросу:

– Гена, здесь что-нибудь про чучуну слышно?

Не знаю, как Гена меня понял, но он стал рассказывать про совершенно посторонние вещи:

– В прошлом году, осенью, сыновья соседа – казака ночью прибежали, говорят – привидение там у себя видели, какого-то старика древнего. – Эта семья с крепким хозяйством, проживает на соседнем алаасе (огромное поле посреди тайги с большим озером по центру. Прим., автора), – Там у них могила стоит аж восемнадцатого века. Шары – во! Испуганные такие...

– Да нет, Гена, это я знаю, я не об этом...

– Он тебя про чучуну спрашивает, – вступил в разговор Роман, – помнишь, мы в прошлом году следы нашли. Чёрный тоже рассказывал...

Хозяин дома отмахнулся:

– Да не верю я во все эти привидения, чучуны-мучуны всякие... Вот ещё говорят – на нашем мосту женщину какую-то видят: здесь неподалёку одна повесилась на дереве, вот и пугает народ. Всех дальнобойщиков распугала.

Теперь Сергей заинтересовался:

– Как это так, её что, и вправду видят?

Терпеливо выслушав все байки и доводы в защиту этих басен, которые в достаточных количествах имеются в этих диких местах, я всё-таки добился вразумительного ответа на свой вопрос. Первоначально Роман был уверен, что Геннадий лично видел чучуну в тайге вместе с покойным полковником Чёрным, оказалось, что это не так. Полковник Чёрный в своё время с группой товарищей встретил чучуну в тайге, а так как они на время охоты, примерно с неделю, проживали в семье Геннадия, то и первая информация из их уст была лично Геннадию.

Вот что рассказал Геннадий, разве что время события установить точно не удалось, но с помощью Романа картина прояснилась более-менее точно, потому-как Николай Чёрный то же самое рассказывал и Роману. Но Роман этому особого значения в то время не придавал: о встречах с чучуной рассказывали разные люди, всех просто не упомянуть, да к тому же это было давно.

Автор тоже до поры до времени скептически относился к таким рассказам, тем более все рассказы начинались так: «А вот один рассказывал...». Нет, уж если добывать факты, то только железные, и от надёжных источников.

Полковник МВД Чёрный в начале девяностых годов был в звании майора милиции. Заядлый охотник. В феврале месяце предположительно девяносто второго года, майор с друзьями отправился на охоту – на лося. Жили у гостеприимного Геннадия Расторгуева, в то время его супруга была живая, с ними жила и маленькая дочка. Выслеживать зверя уходили обычно с раннего утра, возвращались поздно вечером.

В тот знаменательный день с утра пораньше со своими тремя товарищами Николай Чёрный отправился на охоту, пешком. Геннадию сказали, что вернутся по темноте.

Вернулись в обед. Шары, как выражается Геннадий, были – во!!! Сильно напуганные, долго не могли прийти в себя, первым делом закрыли двери на все запоры и водку стали глушить – прямо из горла:

– Бляха, чучуна чуть на нас не напала!

Один из них, когда снял шапку, оказался совершенно седым:

– Ну его на хрен такую охоту!

– Ты поседел, Иван!

– Да ну на хрен! – Посмотрев на себя в настенное зеркало, неуверенно повторил:
– да ну на хрен...

Было так:

Группа шла по тайге цепочкой: друг за другом. Первый пробивает в снегу тропу, остальным уже легче. Когда головной устает, его меняет замыкающий, и так далее.

На охоте курить-разговаривать нежелательно: животное может услышать или учуять и убежать, так что шли молча, только снег похрустывает. Где надо – перешагивали, где нужно – перелезали.

Неожиданно позади группы послышался треск ветвей и деревьев – обычно так ломится сквозь чащу лось. Все развернулись – в сторону охотников ломилась чучуна! Судя по всему, настроена она была довольно решительно: с такой силой раздвигать стволы и ломать толстые ветви деревьев может только могучее существо, сравнимое по мощности разве что с медведем или лосем. Длинные волосы развеваются, рот перекошен в страшной недовольной гримасе. Руками от преграждающих ей путь деревьев как от кустиков отмахивается, по сторонам щепки летят, сломанные куски ветвей. Прёт, даже глубокий снег ему не помеха.

Прогремело несколько выстрелов из винтовок. Из-за животного страха, охватившего всех от столь непонятной и жуткой картины, никто в неё не попал, но чучуна, злобно на них глядя, остановилась, только пар изо рта как от паровоза пыхчет. Все рванули в сторону основной дороги. Остальное известно.

Но не всё. Я стал расспрашивать Геннадия о подробностях этого события:

– Сколько метров было до чучуны, Гена? Вы же всё-таки обсуждали это происшествие: Николай Чёрный, да и все остальные, как я понял, хорошо чучуну разглядели.

С помощью наводящих вопросов, память у Гены заработала, – у меня и не такие раскалывались. Выяснилось: расстояние до чучуны было метров 25—30, разглядели не просто очень хорошо, а очень даже хорошо: чучуна была женщиной! Роста небольшого, длинные волосы на голове, розовые соски, на больших, свисающих чуть ли не ниже пупа грудях, волосами не прикрыты.

То же самое подтвердил и Роман: Николай Чёрный про этот случай и ему рассказывал, и даже вспомнил про то, что полковник предполагал: у чучуны где-то рядом находился ребёнок, она его защищала от людей! Из одежды у неё ничего не было, тело покрывали только волосы. Какого цвета были волосы на теле у чучуны – Николай не сообщил, но возможно Гена этого и не помнит. Холодного оружия при ней не было. Всё это происходило без каких-либо звуков: она не кричала, не свистела и не рычала. Но Гена всему этому всё-равно до сих пор не верит.

Почему Геннадий не поверил полковнику? Объяснение Геннадия Расторгуева:

– На следующее утро они все в город срочно уехали, а я взял винтовку и специально пошёл в то место, про которое они рассказали.

– И что?

– И ни-че-го! – Гена хлебнул чай.

– Вообще?

– Ни сле-да! – Гена значимо хрумкнул печеньем.

Рома, аккуратно стряхнув сигаретный пепел на клочок газеты, сказал:

– Это гипноз, она специально ребёнка от тебя отваживала.
Его сын Сергей так и сидит с открытым ртом, не шевелится. Я ответил:
– Какой на хрен, Рома, гипноз? Как можно в тайге, ты сам своей головой посуды –
КАК МОЖНО В ТАЙГЕ УКАЗАТЬ ТОЧНОЕ МЕСТО?
– Это в пяти километрах отсюда было, на западе, – победно сообщил Гена.
– Ты по ихним следам шёл?
– Их следы с магистрали были, а я напрямую пошёл, глухаря подбил.
– Напрямую ты бы весь земной шар обогнул, Гена! За глухарём ты пошёл а не за чучуной... Давайте лучше спать, мужики...
– Вспомнил! – хлопнул ладонью по столу Рома.
– Что?! – спросили все хором.
– Зимой они рожают!
– С чего ты взял? – поставил я вопрос ребром.
– Объясняю. Во-первых, косвенно – она от Кольки Чёрного своего ребёнка защищала. Правильно?
Все согласно кивнули.
– Так вот, мне рассказывали – как-то группа людей, на чучунью семью зимой навралась.
– И что?
– Все разбежались в разные стороны! – Рома опять хлопнул по столу ладонью, – и люди и нелюди!
– И что?
– Ну как что, у женщин чучунок чучунята на руках были...
– И что? А ты сам там был, Рома?
– Нет. Я же говорю – рассказывали! А что?
– Что-что! Расштокались... Короче – давайте спать! – я понял – начинаются басни и махнул на всё это рукой, – завтра вставать рано...

Итак, в нашей копилке информации в первый же день, вернее – вечер напряжённой работы исследовательской экспедиции прибавились пункты: за номером 7 – якутская чучуна зимой не спит, даже возможно рожает; пункт номер 8 – соски на грудях у чучуноженщины – розовые, но совершенно не привлекательные; 9 – чучуна может находиться в группе от двух и более себе подобных; и, наконец – 10 – регион её обитания в радиусе от места жительства таёжного человека Гены примерно 10—15 км., но делать какие-либо конкретные выводы ещё рано, ибо всё ещё впереди, всё только начинается...

Всё только начинается... Все-таки время идет, и не щадит никого. В 2014-м году дорожники, закончив строительство трассы федерального значения «Вилюйский тракт», перекрыли железной конструкцией старую грунтовую дорогу, ведущую к хозяйству Геннадия Расторгуева, никто больше не смог на машине проехать к нему, так как дорога проходит между двух озер. Старые надежные друзья несколько раз перерезали эти трубы, но никто не слушал их доводы – что этот съезд с тракта – жизненная необходимость для одинокого человека, и трубы, перекрывающие дорогу, вновь приваривали к стоякам. Электрические провода, идущие к дому, сняли со столбов уже давным-давно. И летом Геннадия Расторгуева не стало. Его дом окончательно опустел.

Далее:

...Таинственный старик... Хозяин древней могилы требует языческой жертвы... Банк данных стремительно пополняется... Расследование капитана идёт полным ходом...

Глава IV

Избушка на курьих ножках

Утром встали рано, часов в пять. По всем признакам погода будет хорошей, ясной. Примерно за полчаса выбрали из сетей несколько больших щук, положили в ледник – это глубокий погреб, в котором и зимой и летом холодно. Каждую зиму туда заблаговременно закидываются глыбы льда, благодаря этому продукты не портятся.

Наскоро позавтракав, решили проплыть по речке на лодке: километрах в семи – восьми к югу, на берегу стоит старинная землянка. Чья она, кому принадлежала, и кто в ней жил, – этого уже никто и не помнит. Никто из охотников обычно к ней и близко не подходит, так как это место пользуется дурной славой; всегда обходили стороной: якобы в тех местах кто-то видел не то привидение, не то нечисть какая-то обитает.

Есть ещё один довольно любопытный нюанс: упорно бытует мнение о том, что ещё в середине шестидесятых годов в этой землянке заночевала группа молодых охотников, в итоге – все сошли с ума. Этот факт я когда-то слышал, уже и сам не помню от кого, но напоминать об этом Роману и Геннадия не стал, Сергею – тем более. Так что более-менее бодренько до этого места доплыли.

Увидев стоящий на берегу колоритный домик, Сергей, показав на него рукой, воскликнул:

– Ха, избушка на курьих ножках! – цель нашего сегодняшнего путешествия была достигнута.

Вытащив лодку на высокий песчаный берег осмотрелись. Красота! Широкое поле, рядом лес: берёзы, сосны, ели. И – тишина.

Домик действительно напоминает сказочную избушку на курьих ножках, вот только ножек у неё нет: дом врыт глубоко в землю. Крыша покрыта огромными кусками сосновой коры. Потолочные балки засыпаны толстым слоем земли. От времени избушка уже разрушилась: брёвна гниют. Несколько брёвен из задней стены полностью выпали. Размер примерно три на четыре метра, внутри можно находиться, согнув спину, комфорт минимальный: всё рассчитано на сохранение тепла, поэтому и объём помещения мал. Печки почему-то не видно, но ведь по всем правилам она должна быть! Иначе как же здесь люди зимовали? Морозы ведь зимой и за шестьдесят зашкаливают. Судя по дыре соответствующего размера в потолке и крыше, печка когда-то здесь была. Стены местами обшиты шкурами оленей и сохатого, местами они сгнили, и куски шкур валяются теперь на насквозь прогнившем бревенчатом полу.

Мы сразу же приступили дотошно исследовать это место, никаких вещей, напоминавших бы о времени постройки или специализации хозяев этого места мы не нашли.

Печка – обыкновенная проржавевшая железная бочка с вырезанной в боковине при помочи топора и кувалды дверцей лежала неподалёку, в лесу. «Дверца» у неё была отогнута в сторону.

В одном углу прямо на полу мы обнаружили довольно толстую умятую подстилку из свежей травы, трава была не срезана, а вырвана из земли. Было видно, что на ней недавно кто-то лежал, спал. У меня, как у человека весьма впечатлительного, перед глазами сразу возникла такая картинка:

Семья чучуней – папа, мама и их ребёнок в ненастную промозглую погоду на-тыкаются на этот домик. Папа, как чучун довольно решительный, сразу выпинывает непонятную для него вещь (печку) из жилища, она шустро вылетает из проёма на вадцать два метра, так как она занимает довольно много места: они же большие и всем места не хватает. Рычит на маму с чучунёнком, те бегут в поле рвать травку и, подобострастно посвистывая, устилают папе на самом почётном месте...

– Па-а-па-а! – раздался истошный крик.

– Чего надо? – спросил отец сына, выглянув из двери.

Просмотр картинки закончился – судя по интонациям, Сергей нашёл Нечто. Мы с Романом как угорелые выскочили на берег, Сергей, пригнувшись, рассматривал что-то на земле. Это «что-то» Роман сразу классифицировал как одно из орудий труда подпольных золотопромышленников: с помощью такого лотка намывают золото. Лоток одним ребром основательно врос в землю, никто из нас вытаскивать его не захотел и на этом исследование этого места закончилось.

Развели костёр, стали готовить обед.

Надо признать – абсолютно никакой эйфории по поводу сегодняшнего «приключения», никто из нас не испытывал, всё происходило как само собой разумеющееся. Не было того азарта, изюминки, которую показывают в фильмах про искателей приключений. Думаю это оттого что все мы местные, про чучуну наслышаны как про того же медведя или лося, и ничем нас уже не удивить. Кажется, когда Сергей где-то рядом собирал грибы и ловил щуку, азарт у него при этом бил ключом – вот это было заметно.

Щука на вертеле пропекается быстро, картошка с грибами уже поспела и всё это с великим наслаждением быстро нами умято. Сергей, впитав в себя информацию про золотоискателей и их орудия труда, улёгся спать прямо на земле, мы с Романом стали пить чай и подводить итоги.

Судя по лотку, и простой железной бочке образца середины XX века, землянка принадлежала нелегальным золотопромышленникам, не исключено что и скрывавшимся от правосудия уголовникам. Жили и трудились они там примерно в 40—60-х годах прошлого века, ибо в семидесятых таким артелям уже пришлось туго. Было их человека три, максимум – четыре, больше просто не уместятся: «жилплощадь» не позволяет. Вот двум чучунам там было бы комфортно – это вполне, даже с ребёнком.

По поводу травяной подстилки. Трава более-менее свежая, начинающая желтеть. Судя по вмятинам на нужных местах, на ней лежал только один человек высокого роста. Нормальный человек, пусть даже высокого роста, на грязный земляной пол и с подстилкой из домотканого ковра не ляжет. Бомж – тоже исключено: нет каких-либо следов от продуктов, остатков пищи: пластиковых бутылок, банок, обёрток, пакетов, даже малого клочка мятой бумажки – и той нет. Да и вообще – довольно неприятно и страшно было бы ночевать нормальному человеку в таком мрачном заведении.

Мои с Романом выводы от всего этого здесь приводить не стану, думаю – наши мыслительные процессы происходят так же, как и у всех порядочных людей.

Итак – наша копилка знаний пополнилась. Пусть и незначительно, поверхностно, но всё же. Фоновые знания – это знание всех, то есть люди знают, что существует не-

кое существо, которое называется «снежный человек». Кто-то в это верит безусловно, и к тому же настырно доказывает всем, кому надо и не надо, – это каста уфологов. Есть люди, которые ничему этому не верят, живой пример – Геннадий Расторгуев. И есть люди, которые про это «знают» – узкий круг охотников, людей, которые имели непосредственный контакт с этим существом. Мы уже принадлежали именно к этому «узкому кругу», или были весьма близки к нему. К этому знаменателю мы с Романом пришли после просмотра всех фотографий на цифровом фотоаппарате. От безудержной эксплуатации аппарата сел аккумулятор – жалко.

Проснулся Сергей. Стали размышлять – что же делать дальше? Решили – будем возвращаться по речке, но по пути заскочим к казакам, может и они поделятся кой-какой информацией.

От берега протопали километра два до алааса казаков. Хозяйство в семье казаков большое – несколько лошадей, коровы, трактор, два больших дома, подсобное хозяйство. Старый, лет за семьдесят, но крепкий отец семейства и трое сыновей от 27 до 35 лет. Если бы не средства современной сельской механизации я бы подумал что попал по крайней мере в начало двадцатого века: до того отец с сыновьями напоминали героев фильмов про классических казаков. У старого отца в руке постоянно находится нагайка, у всех на головах форсистые кубанки, из-под которых выбиваются чубы, на ногах щегольские сапоги, воротники пиджаков оторочены шкурами песцов или соболей. Здесь становится понятным словосочетание «первый парень на деревне», но представительниц прекрасного пола я так и не увидел.

Роман представил меня казакам, он здесь часто бывал, познакомились. Захар Петрович – отец, и сыновья – Павел, Пётр и Савелий. Сыновья просто пожали нам руки, и ушли по своим делам, отец же пригласил нас в просторный дом.

Поговорив о житье-бытье – хоть это меня и не интересовало, но я старательно делал озабоченный вид, о городских новостях, о политике Америки в отношении Ирака. Выяснив, что все женщины ушли по грибы и, выпив десятую чашку чая с молоком, приступили к главному – вопросу о чучуне.

– Да-а, бывает здесь всякое... Осенью вот сыновьям какой-то старик примерещился. Седой такой, косматый. Перепугал тут всех. Я-то его не видел, спал, понимаешь. А сыны как угорелые носились. К Генке побежали, понимаешь...

– Да, Гена рассказывал, – подзадорил я дедушку, – во всех подробностях рассказал, оч-чень, понимаешь, интересно. А как он тут появился-то, Захар Петрович?

– А что, на краю алааса могилы не видели что-ли?

– Неужели!? Привидение!?

– Ну, да, – дед засмеялся, – всем троим примерещился, вроде не пьяные были. А то б я их... – Петрович для убедительности потряс нагайкой.

Чтобы быстрее закончить этот интересный рассказ, спросил:

– Ну, и чем всё закончилось?

– Гена сказал – рядом с могилой нужно стопочку водки поставить, вроде бы оставил нас в покое.

– Ну, дай Бог, Захар Петрович.

– Дай Бог, Андрей.

– А чучуну здесь где-нибудь видели?

– Да откуда здесь чучуна? Отродясь не видел. Вот волки, понимаешь – это есть: с месяц назад опять телёнка утащили, понимаешь, ни рожек, ни ножек, ни следов...

Теперь слово взял Рома, перебил дедушку:

– Слышь, Петрович, помнишь, Коля Чёрный рассказывал...

– Да-а, байки всё это! Чучуна, чучуна – откуда здесь чучуна?

– Не томи, Захар Петрович, – я уже откровенно стонал, – поведай, любезный!

– Это до чего же все рыжие шустрые! – рассмеялся старик.

Всё-таки выудить из старика информацию удалось: Чёрный и Петровичу рассказывал про эту встречу в тайге, все детали рассказа сошлись полностью с тем, что рассказали и Роман, и Геннадий.

Ещё раз убедившись в том, что батарейка в фотоаппарате села окончательно, мы распрощались и отправились в обратный путь.

Сергей шёл быстро, чуть ли не вприпрыжку. Приближаясь к берегу, спугнул сидящую в прибрежной траве крякву. Шумно захлопав крыльями, она поднялась, – Роман не промахнулся...

Далее:

Капитан Брэм для добычи ценной информации использует запрещённый приём: оказывает психологическое давление... Группа беспечных молодых охотников сходит в глухой тайге с ума... Власти, чтобы не подвергать дело огласке, помещают их в психиатрическую лечебницу... Загадочная смерть друзей...

Глава V Утка

Геннадий в задумчивости сидел на берегу. Увидев нас, радостно замахал руками, стал что-то кричать. В ответ и мы помахали:

– Привет, Гена, привет!

Рома, подняв в руке утку крикнул:

– Смотри, какая жирная!

Судя по всему Гена нас не слышал: далековато ещё. Приблизившись, бросили ему конец верёвки, чтобы он помог вытянуть лодку на берег:

– Сейчас отдохнём малость, сети проверим.

– Ну что, как съездили, где были?

– На правом берегу, в землянке, не то золотари там жили, не то ещё кто-то.

Я чувствовал – Гена что-то знает про этот дом, решил поговорить без свидетелей, попозже.

– Как чаёк, горячий?

Все выгрузились.

– Да, готов, я уж думал – вы там заночевать собрались.

– Не-е, – Сергей, взгромоздив на себя поклажу из лодки, сказал: – я бы всё-равно к вам вернулся, дядя Гена, хоть ночью.

Роман тоже не стал скрывать своего мнения на этот счёт:

– Мрачновато там, да и дыры в стене, печка рядом с домом валяется, а трубы нету...

От Захара привет тебе, Гена!

– Спасибо!..

– Представляешь – волки у них телёнка утащили!

– Да, его сыновья как-то приходили, искали...

Усталости никто не чувствовал, сразу сели пить густозаваренный чай. Заменяв батарейки в фотоаппарате, я стал показывать Геннадия снимки:

– ...А печка почему-то в лесу лежала... а вот следы посмотри, это мы в прошлом году засняли, вчера не удосужились тебе показать.

Геннадий с интересом стал рассматривать:

– Да-а, никогда такого не видел. Фотоаппарат какой-то интересный...

– Нет, Гена, ты на следы посмотри.

– Так я и говорю – никогда такого не видел, интересные следы: вроде человеческие, а вроде и не человеческие... Большой палец значительно длиннее и крупнее других, это не медведь. Но и не человек... хотя... очень на человеческий похож...

Через его спину перегнулся Сергей, который уже неоднократно эти снимки видел:

– Вот, дядя Андрей, посмотрите: может, это оборотень?

– Ну, ты, Серёга... – Роман укоризненно покачал головой, – насмотрелся видеков...

– Так вместе наверно и смотрите, – сделал я предположение, – друженько так: шары – во!, друг к дружке прижались, дрожь в коленках, сбитое дыхание...

– А что, пап, смотри – постепенно следы в волчьи превращаются.

А ведь верно, – местами есть следы с чем-то, напоминающими когти на концах пальцев. Мы, взрослые мужики, тоже на некоторых снимках заострённые пальцы замечали, но особого значения этому не придавали.

Геннадий, кажется, об ответе долго не раздумывал, выдал сразу:

– Пальцы длинные, в грязи расплзаются в стороны, и ногтями цепляют, рыхлят землю.

– Вот! Вот что значит таёжный человек, моментально определил! Пальцы то в грязи расплзаются и прогибаются вверх! Следопыт! – отставив кружку в сторону, я предложил: – может, сети проверим, мужики?

– Можно, – Роман аккуратно всунул окурочку в щель в печной дверце, возле которой сидел на корточках, – э` можно, пока светло.

– Тогда мы с Геной делом займёмся: утку почистим, сварим, тоси-боси, а вы с сетями разберитесь.

– А это случайно не утка? – Геннадий посмотрел на Романа, потом на меня.

– Конечно утка, – Рома с подозрением взглянул на Гену, – что с тобой, Гена, не видишь – кряква?

– Вижу – кряква, – согласился Геннадий, – сейчас, говорят, на компьютерах чего хош изобразить можно: хоть крякву, хоть утку.

До меня дошло – Гена сомневается в подлинности фотографий:

– Рома, сейчас будет вынос тела. Он нам не верит! Дай-ка мне большой железный нож...

– Ой, ой, ой, – засмеялся Геннадий, – испугался, сейчас убегу!

Рома как стоял, так и стоит – ничего понять не может. Изобразив страшное лицо, я стал потихоньку приподыматься с лавки:

– У нас дли-инные руки!..

Теперь дошло и до Романа:

– Ну, ты, Гена... да оно нам надо – из-за этой «утки» здесь без толку шараться? – махнув рукой, позвал сына: – ладно, пошли, Серёга...

– Да шучу я, шучу, – Гена похлопал Рому по плечу, Рома разулыбался, – утка это, кряква.

– Так я и говорю – кряква. – Отец с хохочущим сыном пошли собирать щучий урожай.

Выпотрошив и промыв дичь, закинули в кастрюлю. Я закурил:

– Как думаешь, Гена, чья это землянка?

– Говорят – золотари там были, да я уж точно и не помню. По всей тайге чего только нет: схроны уголовников, золотарей, балаганы (жилые юрты – прим., автора) древние. В гражданскую, когда в городе заварушка была – то красные в тайгу убежали, то наоборот – белые, чего только не понастроили.

– Гена, а эта землянка чья? – Всё-таки я решил добить вопрос до конца, намекнул, – говорят, там что-то интересное было...

– Да я уж и не помню... – повторил Геннадий, мусоля свою кружку суже холодным чаем.

– Гена, не капризничай! Хочешь, чайку горячего подолью, – предложил я ласково, – ведь было же там что-то, ты ведь знаешь о чём я говорю. – Хотя я совершенно и не помнил, «о чём я говорю», но сделал соответствующее лицо, – парни молодые там с ума сошли. Ох, как не хотел Геннадий говорить на эту тему, – это было видно невооружённым глазом. Но чистый душой таёжный человек под моим напором начал потихоньку раскрываться:

– В шестидесятых это было... Как-то летом приехали сюда трое моих друзей из города – студенты, выходные были или праздничные дни – не помню уже. Посидели, попили. Чуть не подрались из-за чего-то, сам знаешь, как у нас бывает... потом ушли. Навеселе ушли. В то время охота хорошая была: утка непуганая, боровой больше было. Так что настреляли много чего, и остались ночевать в той землянке.

Я до того случая и сам там ночевал иногда, запор на двери хороший был, надёжный, нары были. Даже зимой – жара, печка та самая стояла, из бочки которая. Они и там водку пить продолжили. В итоге – вырубались все. Хорошо, что дверь изнутри заперли... Давай чайку плеснём, Андрюха.

– Плеснём по малой, – согласился я, – чай – не водка...

Сергей с Романом, слышно, разговаривают о чём-то на берегу, смеются. Двери в доме раскрыты настежь, печка вбирает в себя жар, чтобы ночью отдать нам своё тепло, дымок сизый вьётся. Скоро стемнеет. В памяти стала вырисовываться та самая история, которую я часто слышал в далёком детстве: дом в лесу со стенами, обитыми звериными шкурами, и страшная «чёрная рука» которая из этой самой стены вылезает и душит, душит беспечного путника. Да, в то время по городу ходила такая байка...

– И вот ночью один из них чувствует – кто-то шарит по нему рукой, он эту руку ладонью – хлопысь! Типа – не приставай, противный! А она волосатая и мускулистая такая! – Гена посмотрел на меня, оценил мою реакцию, я слушаю внимательно, Гена продолжил: – он со страху и заорал. Рука пропала, все проснулись. Этот парень, Дмитрий его звали, спички жечь стал, да и без того более-менее от печки видно было: там же дверка всегда открыта. Под потолком отверстие вроде форточки есть, ты видел, наверное – одно бревно разрезано, размер вот такой, – Гена показал руками размер – примерно с три ладони, – как раз над нарами получается, вот оттуда рука и совалась к нему. Друзья конечно спрашивают – чего, мол, орёшь, перепил что-ли? Абаасы! Абаасы!, – кричит так истошно. А тут по крыше кто-то, услышали, топтаться стал, потом прыгать, аж земля с потолка сыпаться стала. Дима ствол ружья в эту «форточку» сунул, да как пальнёт дуплетом, все сразу и протрезвели, давай ружья заряжать. Знаешь, как волосы на голове от

страха шевелятся? Так у них даже кожа сморщилась. Ещё несколько раз стреляли. Так до утра и не спали.

– И – тишина...

– Вот, стоило тебе рассказывать, – Гене показалось, что я над ним смеюсь.

– А потом что было? – Я уже закончил чистить картошку, стал её промывать.

– Ко мне рано утром пришли, возбуждённые такие, испуганные. Рассказали. Даже не знаю, верить или нет, они говорили – абаасы. Дима всё про руку говорил: большая такая ручища, волосатая. Когда уехали, через два дня на ГАЗике из компетентных органов приехали, заставили меня показать это место. Проводил. Они там бутылки увидели, гильзы металлические, по крыше ползали, эксперт криминалист крышу обследовал, форточку, – У Гены видно совсем настроение испортилось, – вот, обследовал, слепки какие-то сделал...

Я бросил картошку в кастрюлю:

– А дальше?

– Ну что дальше... потом этих ребят психиатры обследовали да и упекли куда следует. Вот так сами себе языками жизнь и сломали.

– Да-а, жалко парней. Ты их сейчас видишь?

– Двое умерли уже, а Дима настоящим дураком стал – искололи там его.

Некоторое время сидели молча, почему-то стало грустно. В раскрытую дверь повеяло прохладой.

– Слушай, Гена, а может это медведь был?

– Я тоже про это думал, но от форточки до лежащего на нарах человека медведь при всём желании не достал бы, я же там был, знаю. К тому же когтями, даже если и ласково, порвал бы... Только очень длинная рука достанет – гораздо поболее метра будет.

Было видно, что Гена не желает больше говорить на эту тему, встал, поднял крышку кастрюли:

– Закипает, скоро готово будет. Ты лучок пока почисти, а я пойду, барометр гляну.

– Что за барометр, Гена? – не помню у него такого механизма, – барометр где-то достал?

– Да у меня их полно, пошли, покажу.

На завалинке дома стоял очищенный от коры еловый пенёк с торчащей с боку веточкой, конец ветки указывал на одну из зарубок на стене.

– «Пасмурно», – определил Гена, – дождь завтра будет.

– Ух, ты-ы! А как ты определяешь?

– Еловая веточка на погоду чувствительна очень, двигается. Вот зарубки на стене – «ясно», «облачно», вот эта – «пасмурно», а когда в этом положении – то «дождь».

Подошли Роман с сыном:

– Чего там увидели?

С видом знатока сообщаю:

– Дождь завтра будет!

– Эт`точно: что-то спину ломит, к дождю, однако. – Рома с сыном с мешками рыбы на плечах пошли к леднику, – спускайся вниз, Серёга.

– Сергей! – Крикнул я в спину парню, он обернулся, – лучок потом почистишь, там уже всё готово!

– Сделаю, дядя Андрей...

С ночи зарядил дождь. Всё-таки, как выяснилось, я сильно устал, так как спал почти до одиннадцати. Сергей спал до обеда: здоровый парень. Роман с Геной с раннего утра ушли по озёрам, вернулись с тремя утками. После обеда посоветовавшись, решили возвращаться в город, иначе вскорости дорогу окончательно развезет, и мы попросту не сможем выехать из этих мест. Если не выедем сейчас, то можно застрять здесь и на неделю, пока всё не просохнет, а дома дела ждут.

Всю обратную дорогу, механически объезжая рытвины и колдобины, я размышлял о рассказе Геннадия. Эксперт, обследовавший следы, вероятнее всего что-то обнаружил: либо следы ног, либо волосы этого существа. Так как время было воинственно-атеистическое, «безбожное», огласке этот случай никак нельзя было подвергать, вот «материалисты» и упрятали этих ребят куда подальше. В наше время, если бы такое случилось, только бы посмеялись. Интересно, – сохранились ли слепки этих следов и волосы?..

– Волосы...

– Что – «волосы», Андрей?

Оказывается, я уже стал мыслить вслух:

– Вы там волосы видели?

Роман ничего не понял, а Сергей уразумел с лёту:

– Да, дядя Андрей, это я потом уже дотумкался: надо было там и волосы где-нибудь посмотреть.

Теперь и Роман понял, о чём мы говорим:

– Точно! Доски, брёвна! Там же запросто волосы зацепились бы!

– Голова-а! – Восхитился я.

– А то ж!

Серёжа добавил:

– Да и вообще, гипс с собой возить нужно.

– Зачем? – спросил Рома.

– Как зачем, пап, слепки следов чучуны делать!

– Голова-а! – восхитился отец.

...Опять же – «утка», вновь стал гонять я свои мысли-табуны, байка про «дом со стенами, обитыми звериными шкурами» – древняя, как я сам. Детская страшилка для пионерских лагерей. Откуда взялась? Точно помню – «чёрная рука», молодые охотники сошли с ума... Кто же это рассказывал? Это было не в пионерском лагере, и не где-то у костра на сенокосе. Это – более серьёзно... Ладно, потом вспомню...

– Значит, говоришь – волосы? – Я закурил.

– Козе понятно – сразу надо было обследовать все доски. – Роман тоже закурил, многозначительно добавил: – то-то, думаю, что-то здесь не так.

– Голова-а!..

Далее:

В шестой части этой скучной повести читайте:

В поисках фактов и улик... Таинственная кровавая находка – безвинная жертва. Какой безжалостный монстр мог это совершить?..

Глава VI Голова

«Здравствуй, уважаемая редакция газеты! Во-первых, поздравляю всех женщин редакции с Международным праздником 8 Марта, а во-вторых, сообщаю, что наш колхоз шагает в ногу с XXII съездом коммунистической партии и рядом с наукой.

План мы собираемся выполнить досрочно, но об этом я писал ранее.

А недавно у нас в селе появилось научное явление: многие в тайге видели чучуну, как называют у нас в народе лесного человека. Мы дали ему имя Хар Киситэ – Человек Снега, как зовут его собрата из Гималаев в центральной прессе. Очень походит на человека, только весь белый и одет в шкуры. Близко не подпускает, убегает сразу.

Может ли уважаемая редакция отправить своего корреспондента, чтобы он сам увидел правду (в лице лесного человека) и осветил через газету этот научный факт нашей жизни? Лично я, как председатель колхоза, тоже не отстаю от достижений науки и техники и выписываю одноименный журнал. Все мы с нетерпением ждем вашего сотрудника, поэтому просим в нашей просьбе не отказать».

По этому содержательному письму главы администрации колхоза и выехала в командировку в тот посёлок журналистка Ариадна Борисова – будущий известный писатель.

Да, многие сельчане своими глазами видели это существо, народ в посёлке волновался, кипели страсти. Однако Ариадна, проделав кропотливую работу, выяснила – это «существо» было простым человеком, много десятилетий скрывающимся в тайге от своих сородичей. Сенсация лопнула как мыльный пузырь, даже тот председатель обиделся на журналиста.

Не произойдёт ли то же самое и с нашей информацией, не будут ли люди веками смеяться над доморощенными исследователями непознанного как над тем главой колхоза? Опасения такие, признаюсь, меня не покидали. И не покидают до сих пор.

Для того, чтобы защититься от возможных нападок скептиков, необходимо собрать как можно больше информации об этом явлении: информирован – значит вооружён.

Много информации на эту тему мне предоставила моя землячка Екатерина Звягинцева, – она уже много лет изучает проблемы криптозоологии, и считается в своём кругу признанным специалистом:

БУРЦЕВ Игорь Дмитриевич, кандидат исторических наук, издатель, президент Фонда содействия научным исследованиям и поискам «Криптосфера». Участвует в исследовании проблемы гоминоидов с 1965 года.

Екатерина посоветовала мне связаться с Бурцевым, светлая, говорит, голова у профессора: много чего сделал для пользы науки.

Полезная информация шла потоком. В разных странах действуют более или менее устойчивые группы и организации, занимающиеся исследованиями в этой области. Особенно много таких групп в США и Канаде. А в Китае этой проблемой в последние годы занимается государственная научная организация. В России искателей и исследователей многие десятилетия объединяет Смолинский семинар по вопросам гоминологии, служащий средством общения между ними. Дискуссии по проблемам ведутся на различных сайтах в интернете. Информация, то и дело появляющаяся в широкой печати или на различных неспециализированных сайтах, в угоду сенсационности часто грешит неточностью и даже недобросовестностью (!).

О «снежном человеке» – это название возникло в двадцатые годы XX столетия, когда английская рекогносцировочная экспедиция на Эверест под руководством Говарда-Бэри наткнулась на следы таинственного двуногого существа, очень похожие на следы босых человеческих ног. Тогда-то и возникло название на английском: «Abominable Snowman», что означает «человек снежный отвратительный».

Исследователи же в России во главе с профессором Б.Ф.Поршневым в начале 60-х годов дали этому существу научное название «реликтовый гоминоид», т. е. сохранившийся с древнейших времен человекоподобный, или просто – «гоминоид» (от латинского hominoid). А наука, изучающая их, стала называться «гоминология». В последнее время начинает завоёвывать позиции и сокращённый вариант названия существа – гомин или хомин (homin), введённый в оборот Д. Баяновым. Этот термин уже широко используется в англоязычных публикациях. Так же синонимом служит термин «Троглодит». Специалисты – поисковики называют его на своём сленге – «Гоша», – довольно забавно.

Верхушки деревьев – вот на что посоветовала обратить внимание Екатерина! – «Гоша» метит свою территорию, либо обламывая верхушки у деревьев, либо складывая стволы определенным образом – криптозоологи называют их «маркеры». А так как Гоша сам по себе роста немалого эти обломы находятся выше поднятой руки человека. Никогда бы не подумал. Видел такие «маркеры» в тайге, но попросту не обращал на них внимания: я же нормальный человек, а не криптозоолог.

Что ж, отныне в тайге всегда буду задирать свою информированную голову (не путать с носом) вверх и, убедившись, что это действительно «маркер», в смысле – прогнившее деревце со сломанной верхушкой, выругаюсь, и потопаю дальше. Верхушка у дерева сломаться может от чего угодно, доказать что это сделал «Гоша» – весьма затруднительно, а «описать» что это дело Гошиных рук – довольно легко, просто. Не хочу, чтобы меня принимали за фальсификатора. Тем более самолично видел множество фотографий подобных «маркеров»: стоит парень в чистеньком костюмчике в какой-нибудь жиденькой подмосковной рощице и показывает пальцем на елочку с обломанной верхушкой, фотография подписана «маркер снежного человека, обнаружен там-то, тем-то и тогда-то».

В Кемеровской области ищут йети. Охотники видели в тайге «странное волосатое существо» под два метра ростом. Были даже фотографии следа от гигантской ноги. Руководитель экспедиции, который уже 44 года охотится за йети по всему миру, уверен, что скрываются они именно в сибирских пещерах. Следы Снежного человека находили также в Центральной Азии и Северной Америки, в Гималаях, в Китае и много где еще.

Кроме того бытует мнение, что на Севере этот самый Гоша гораздо ниже своих южных собратьев: под два метра ростом, но это толком не доказано. Но информация стоящая. Также по ссылке Екатерины просмотрел фото – слепки Гошиных следов.

Найденные нами от них отличались: размер гораздо меньше, пальцы намного длиннее, и большой палец,

конец которого гораздо крупнее и круглый, намного выдаётся вперёд остальных. Гипотеза о малом росте северного «Гоши» в нашем случае – подходит.

Также есть сведения, что Гоша обгрызает кору молодых ёлок на большой высоте. Это для него, вероятно, заменитель витаминов. Хотя я считаю, – лучше жевать еловую кору: в хвое витаминов гораздо больше.

Ещё – ногти у него не острые как у всех зверей, а прямые, сильные. Сдирает кору с деревьев как стамесками.

Пожалуй, про науку – достаточно.

Очередной выезд в тайгу мы назначили на шестнадцатое августа, дорога ещё полностью не просохла, но особой слякоти не было, и это хорошо: отсутствовал риск где-нибудь застрять. Брызгаясь ошметками грязи, машина мчалась навстречу неизвестности.

Почему – неизвестности? Это не для красного словца – просто у нас никакого разработанного плана не имелось, только Сергей питал надежду найти на влажной земле новые следы, или увидеть чучуну своими глазами – оптимист, однако, и это – тоже хорошо. Роман, само-собой – надеялся подбить дичь и наловить рыбки, это входило в пункт нашего «договора», иначе бы он со мной не поехал. Да и я бы не отказался пострелять между делом, как говорится – «совместить приятное с полезным». Кажется – удача нам сопутствовала во всём.

Недавно открылся охотничий сезон, по всему тракту мелькают группы охотников любителей с озабоченными лицами, на каждом повороте с основной магистрали на таёжную дорогу видны свежие следы автомашин. Чем дальше от города, тем меньше нам встречается людей.

– Достали эти «охотнички», – посетовал Рома, – сунуться некуда.

– Яблоку некуда упасть, – подлизываюсь я своему добровольному помощнику.

– А чем чучуна питается, интересно? – спросил Сергей.

– На завтрак – овсянка... – Начал было перечислять Роман, – яблочко – это обязательно, это для желудка, понимаешь, полезно...

Но я прервал:

– Да хоть чем, Серёга, человек же всё-таки. Порвет, к примеру, косулю, слопаёт, ягодкой кой-где полакомится.

– Голова-а! – Это у Ромы высшая степень похвалы, – соображаешь!

– Сырое мясо ест что-ли? – Спросил Сергей, – не варит, не парит?

Этот вопрос интересный, стали размышлять. По поводу умения чучуной разводиться огонь – этого никто не знает, по крайней мере – мы. Зимой – вопросов нет: замороженное сырое мясо и рыбу не то что все жители, даже гости Севера откусивают, – строганина называется, да ещё и добавки попросят. А вот летом – это непонятно. Пришли к выводу: летом Гоша дичь съедает сразу, что остаётся – выбрасывает: тухлятину есть никто не желает. Хоть и дикий человек, но понятия вероятнее всего имеются. Недаром встречавшиеся с ним люди отмечали, что взгляд у Гоши довольно осмысленный.

Слева, обдав машину грязью промчалась битком забитая людьми замызганная «Нива», стала притормаживать и подавать нам сигналы. Я остановился. Это оказались наши знакомые охотники, «Нива» принадлежала моему хорошему другу – промысловику Семёну Борогоеву.

Перекурив и поговорив о проблемах в изменении климата, о видах на урожай и политике, выяснили, что Семён через неделю собирается ехать промышлять в Сангары – это в шестистах километрах от Якутска, между делом пригласил меня составить

ему компанию. Сангары – это хорошо, там тайга дремучая, нужно навести справки, возможно и поеду: какой-никакой а – «криптозоолог»: письма-то от специалистов потоком идут.

И ещё – оказалось, Семён уже поколесил по солидному куску тракта, и выяснил, где пустуют большие озёра, в смысле – где охотников нет. Эта информация распалила охотничий азарт, у Романа появился довольно осмысленный взгляд. Все принялись агитировать меня оцепить какое-нибудь озеро и всем скопом выгнать оттуда уток: так увеличиваются шансы дичи настрелять побольше. У хороших и дружных групп охотников такое часто практикуется. Тем более что у нас с Романом имелись многозарядные автоматические ружья.

Поддавшись уговорам этих убийц всего живого, мы направились к ближайшему озеру. Сергею оставили портативную радиостанцию, он остался собирать голубику.

Буквально за полчаса мы настреляли некоторое количество дичи, и когда стали возвращаться, нас стал вызывать на связь Сергей:

– Пап, я тут голову нашёл!

Охотники тревожно переглянулись:

– Какую голову, Серёжа?

– Не знаю, животное какое-то.

– Жди у дороги, едем уже!

Сергей проводил группу до места, – посреди небольшой лесной поляны лежала изрядно обглоданная зверьём голова телёнка. Вокруг обглоданного зверьём черепа образовался узкий круг заинтересованных лиц. Честно говоря, по-настоящему эта находка собственно никого и не заинтересовала, кроме меня:

– Семён, глянь, кто телёнка мог сожрать?

Посыпались ответы:

– Волки...

– ...Кто же ещё?..

– ...Они, волки позорные...

– К-хе... – Все уставились на Семёна. Семён Семёнович хоть ростом и мал, но авторитет у него огромный, так что после «кхе-кхе» все тут же примолкли.

Авторитетно подвигав и несколько раз перевернув голову носком сапога, заявил: – Зверье мелкое постаралось, вот здесь вороны клевали... а вот здесь... – Семён ещё больше сощурился, – вот здесь...

– Мексиканский тушкан? – предположил кто-то из неопытных. И на всякий случай добавил: – Э-э...

На него тут же зашикали:

– Не болтай!

Семён почесал затылок – все умные люди так делают когда их головы иногда посецают мысли:

– Нет, не мексиканский, у нас таких нет... вроде мыши полевые грызли...

– Голова-а! – Похвалил Рома, – вот что значит профи!

– Следы волчьих или рысьих зубов видны? – спросил я, – сколько времени эта башка здесь лежит?

– Ни одного волчьего... ну а сколько времени... полагаю – с весны лежит, однако.

– А голова отрезана или оторвана?

Все засмеялись, Семён ответил:

– Нет, не видно, мелкотнёй же всё обгрызано, ни мышц, ни сухожилий нет, кости голимые.

– А почему хищники к голове с весны не подошли?

– Опасность учуяли, – ответил Семён, – мало ли что им не понравилось. А что случилось то?

– Так ведь ни тулова, ни шкуры, ни костей здесь тоже нет! – вот это в самую точку, все удивились, – Куда что делось!? А Петрович говорил, что у него волки телят воровали, искали, не нашли.

– Эвона как! – Семёна это сообщение тоже озадачило, – всё чучуну ищешь, Андрюха? Не знаю я ничего, и знать не хочу!

Некоторое время, поговорив на отвлечённые темы, о тревожащем его положении дел на российском военно-морском флоте, поплевавшись и потоптав окурки, Семён с друзьями уехал...

Забегая вперёд, скажу: по возвращении домой перебрал старые фотографии, нашёл чёрно-белый снимок моего старинного друга Вальдемара Даувальтера на фоне таёжной охотничьей заимки – это как раз в Сангарах. Вальдемар – опытный охотник, связавшись с ним выяснил кое-что не просто интересное, а очень интересное. Но об этом позже: эта занимательная история заслуживает отдельного повествования, или даже отдельной части книги.

Андрей Ефремов

Далее читайте:

Таёжный тупик – но дело о гоминоиде неумолимо приближается к развязке. Письма издалека... Первые существенные находки... Таинственный железный предмет... Не пропустите главное!

Продолжение повести читайте в следующем номере альманаха. Цифровая версия будет опубликована в интернете во второй половине января. Точную дату смотрите на странице <https://vk.com/evgeniysimonenko> в закреплённом посту.

ОБ АВТОРЕ

Пейсахович Юрий Иосифович родился в 1945 г. Окончил Ленинградский Горный институт в 1970 году, по специальности радиоинженер. Затем – Ленинградские Высшие курсы штабных работников Академии МВД СССР в 1980 году. В органах внутренних дел служил с ноября 1970 по февраль 1995 года на различных должностях оперативно-начальствующего состава. С января по апрель 1987 был откомандирован в 30 км. зону ЧАЭС, где служил на должности оперативного дежурного, затем Начальника Штаба Припятского ГОВД. Время безвыездного нахождения в зоне ЧАЭС – 98 суток. Подполковник милиции в отставке. Живет и работает в Санкт-Петербурге. Юрий Иосифович любит поэзию. Давно пишет стихи.

В 2024 году в издательстве ИД «Стелла» вышел очередной поэтический сборник поэта. Он остаётся верен теме и по-прежнему поёт Гимн Женщине, и прежде всего – любимой жене. Его стихи - о бесконечном чувстве Любви, о том, что Счастье может прийти даже на излёте жизни, когда кажется, что впереди только одиночество и грусть... Но судьбоносная встреча переворачивает всё, даёт новый глоток воздуха, согревает душу и сердце...

«Прекрасное чувство Любви, которое не даёт душе потерять своё очарование и всю жизнь пронести её пылкость – это дорогого стоит...»

«Давно у нас никто не писал стихи о ЛЮБВИ так образно и близко к жизни одновременно, что их проникновение в Душу не покидает нас, независимо от возраста...»

«Его лирика предельно откровенная с читателем... Это по-настоящему красивые стихи, никого не оставляющие равнодушным...»

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

«КАЗАЛОСЬ ЖИЗНЬ ЛОЖИТСЯ В МАСТЬ...»

Казалось, жизнь ложится в масть...
Всё устремляется к удаче...
Но вот – стихи... И снова страсть,
К тому, что называют Счастьем.

Любви осенняя пора –
Возможно, вариант последний
Того, что грезилось вчера,
Ещё вчера казалось песней...

Очарование волшебства,
Святое таинство Природы...
Здесь что – то есть от колдовства
Всегда, в любое время года.

Волнует трепет нежных губ
И торопливость первой ласки,
Как перехватывает дух,
Когда мы оказались в Сказке...

Но, много лет уже спустя,
Не повторить того мгновения,
Листаю дни календаря
Уже без прежнего волнения.

Росли циничнее и злей,
Порой вином топили горе,
Нам стало многое видней,
Когда ломало нас от боли...

Терзал вопрос: как дальше жить?
Влюбиться иль любить позволить?
Смотри, опять не ошибись,
Не стань заложником неволи...

Переживания мои
Вдруг отозвались серо – белым...
И с неба вновь пошли дожди,
И зеркало души потело...

Златая осень отошла –
Её сменило заунывье...
И замерла моя душа:
Взамен любви – слова иные...

Нельзя ничто начать сначала –
Всё начинают с новой строчки:
Она осталась у причала...
Меня уносит море в бочке...

Романтик верит: есть любовь,
Ссылаясь на стихи Поэта...
А я раздумываю вновь,
Понять, пытаюсь: было ль это?

Сегодня осень на дворе –
Ищу у Пушкина защиты:
Он что – то знал о той поре,
Коль много строчек там напишет...

А у меня – один роман,
Один романс, и снова грустный...
По разным мы живём домам,
Потерян поцелуй наш вкусный...

Жизнь угасает, как свеча,
Не разгоревшаяся ярко,
И мрамор женского плеча
Уже не может быть подарком.

Но Пушкин – гений и проказник –
Смеётся: «Осень – время жизни...
Ещё вернётся в сердце праздник
И снова звёзды станут ближе...»

Неповторимо, что прошло:
Былого жизнь не возвращает,
Но прошлому наперекор
Тепло другое обещает...

Звезда осенняя упала
С ночного бархата небес,
А утро жизнь мою меняло
Уже на новый интерес...

И снова жизнь ложится в масть –
Всё устремляется к Удаче...
И не грустить, чтоб не пропасть,
Не пропустить мгновение счастья...

«ДОЗВОЛЕНО ЛИ БУДЕТ?»

Дозволено ли будет мне напомнить,
Про миллион когда-то алых роз?
Тот час, после полуночный, который
В шампанском растворял искринки грёз?

Была ты вдохновенна и светла –
Вся воплощенье страсти и мечты...
И сразу я сгорел в тебе дотла,
Так не сумев переступить черты...

Рвануться бы – дотронуться к тебе...
Суметь уговорить твои объятия...
О, сколько раз я говорил себе,
Что, может, этим упустил я счастье?

Грех упущения – это страшный грех...
Не отпускает Бог грехи такие...
В глазах моих теперь потух тот свет,
От всех желаний отключён поныне...

Всё в прошлое в туман обращено,
Любовь моя мелькнула и пропала...
Я молча пью прощальное вино
Из тонкого, печального бокала...

«КАК СЛАДОСТНО ВО ВСЕ ВЕКА ВЛЕЧЁТ НАС ТАИНСТВО СТИХА...»

Как сладостно во все века
Влечёт нас таинства стиха...
Объятья наших рук и душ
Порой захватывает дух...

И очень много разных тем
Сюжетом служит для поэм...
А у поэтов всё непросто –
Перепополняют их эмоции...

И лишь рождение стиха
Спасёт от нового греха,
Нам обещая новый мир,
Собой заполнивший эфир...

Поздравить я безумно рад,
Когда стихи, как звездопад,
Когда не просто хороши,
А есть созвучие души,

Несут в себе особый свет
От поражений до побед,
И будоражат нашу кровь –
Свою находим там любовь!..

Мне нравится борьба стихий,
Безумство чувств, порывы страсти,
Когда красивые стихи
Отмечены большой удачей...

Как сладостно во все века
Влечёт нас таинство стиха...

«НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ, МОЙ ДРУГ»

Не оставляй меня, мой друг,
Она пройдёт – твоя усталость...
Как много на земле разлук,
Как мало нежности осталось...

Не оставляй меня, мой друг,
Дни нашей близости вернутся,
Когда объятия наших рук
Уже вовек не разомкнутся...

Не оставляй меня, мой друг,
Не оставляй меня – послушай:
Есть радость нескольких минут
И тишина, что греет души.

И, может, поздняя любовь
Ещё с тобою нам поможет,
Когда взыграет в сердце кровь,
Волнение пойдёт по коже...

Но, нет – печален наш романс...
Живу одним воспоминанием:
Наш удивительный роман
Был обречен на умирание...

«КАКАЯ БУРЯ ЧУВСТВ ВО МНЕ...»

Какая буря чувств во мне
Четыре ночи бушевала,
Все тело плавилось в огне,
И прочь летело одеяло...

А ты, холодная, как лёд,
Прекрасная, как Галатея,
Четыре ночи напролёт
Змеею мне сжимала шею...

И, словно каменный обвал,
Летя, в бездонную пучину,
В душе моей прогрехотал
И тело выбросил в стремнину...

Четыре ночи пронеслись,
И снова в небе Солнце светит,
Дороги наши разошлись...
И было ль это – кто ответит?

«Я ЗНАЛ, ЧТО ЭТО НЕ МОЁ...»

Я знал, что это – не моё...
Что всё придумано заранее,
И обещание твоё
Сулит нам только расставание...

Но что – то дрогнуло в груди,
И я сквозь слёзы оглянулся,
Услышав: «Я должна уйти...»
В последний раз тебя коснулся...

Замолкли лёгкие шаги,
Всё стало пусто и знакомо...
Я стал немножечко другим...
Ты от меня ушла к другому...

Но верю: снова будет час,
И будет вечер со свечами,
И хмель вина забродит в нас,
И потолок пойдёт кругами...

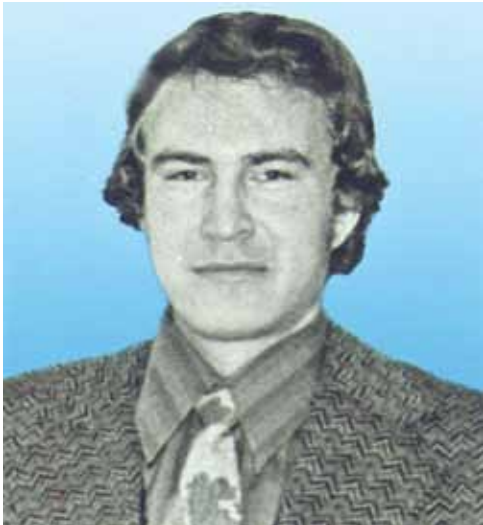
Метель желаний увлечёт,
Перемешав тела и души...
Тревога в сторону уйдёт,
И мир покажется нам лучше...

Мы вновь с тобой переживём
Минуты счастья упоение...
Мы ради этого несём
Наш ежедневный крест сомнений...

Я знаю: снова будет час...

***Пусть отныне будет жизнь полна
Тем, что в счастье так необходимо:
Смаковать по капельке до дна
Каждый миг её неповторимый***

Владимир МЕРЕНКОВ (1952-2018)

ОБ АВТОРЕ

Владимир Николаевич Меренков был последним ребенком (одиннадцатым) в большой многодетной семье колхозного комбайнера. После окончания восьми классов уехал в Новосибирск, поступил в ПТУ, получил специальность «токарь-универсал». Одновременно Владимир окончил вечернюю среднюю школу.

В 1981 г. поступил в ЛГУ на философский факультет. После окончания университета работал в средних школах города на Неве, сначала мастером производственного обучения, а затем учителем истории и философии.

Володя всегда с уверенностью говорил, что лучший метод воспитания – это воспитание собственным авторитетом и примером. Никакие красивые теории и даже концепции не заменят этот метод, а могут только его дополнить.

Еще в студенческие годы начал писать стихи, а затем и прозу. Рассказы Владимира Меренкова просты и душевны. Он писал и сочинял для души.

Герои его рассказов – люди, которые жили в родной деревне. В них описаны реальные события, действительно имевшие место в жизни.

ДВЕ ЕКАТЕРИНЫ

– 1 –

Я вприпрыжку весело бежал в школу и пинал по дороге, укатанной санями, звонкую ледышку. Был конец декабря, утренний воздух был свеж и бодрящ, крепеньким был и морозец, – одним словом, стояла сибирская зима. Мне было легко и радостно, мысли были обыкновенные, проблемы маленькие и разрешимые. Моими спутниками были все те же зима, морозец, который со мной заигрывал, звонкая ледышка да санная дорога. Пока она у меня была недлинной и кончалась за мостиком, где и находилась наша школа, и где я учился в четвертом классе и, наверное, в ту пору был счастлив.

Но этого, конечно, я тогда не осознавал, как и часто в последствии, когда бывал хотя бы мимолетно счастлив, но узнавал об этом позже. Да и все мы, размышляя о счастье сегодня, не подозреваем, что в это время мы счастливее хотя бы чуть-чуть, чем будем завтра, хотя бы потому, что завтра жизни останется на один день меньше. И прав был китайский философ Конфуций, который на вопрос «Что такое жизнь?» ответил: «Это медленная смерть». А счастье – это, наверное, сама жизнь, во всех ее проявлениях.

В школе жаром дышала печь, ворчала тетка Акулина, которая топила и мыла полы. Но, несмотря на то, что валенки мы тщательно обметали, снега в школу затаскивалось много. А сегодня его было особенно полно, и по школе распространялся терпкий, ни с чем не сравнимый, будоражащий кровь и детскую душу запах настоящей лесной красавицы-елки. Ее, как обычно, привез дед моего друга – Леонтий. Здесь же, на школьном дворе, стояла его лошадка, а сам он поправлял в санях солому и был похож на деда Мороза. Мы окружили деда и спрашивали, где

*Мама
Меренкова Екатерина*

*Школа. Деревня 2-я Пятилетка. Третий класс.
Справа в первом ряду Владимир Меренков, 9 лет.*

он срубил такую красавицу. И тут на крыльце в легком свитерочке, накинув пуховой платок на плечи, не вышла, а как-то явилась моя любимая учительница – молодая, красивая, стройная Екатерина Андреевна. И сразу будто растаял снег, вспыхнуло солнце, и грянула многоголосая весна. Но был декабрь, была зима, а из школы тут же послышался звонок на урок.

Задача не сходилась с ответом, а за окном уже смеркалось. За стеной под полом скреблась мышь, вероятно, удивляясь тому, что ей еще нельзя выйти обследовать класс. За дверью застучала ведрами уборщица, очевидно, тоже недовольная тем, что так долго засиделись ученик с учительницей. Она тихо ворчала: «Ух, какой бестолковый этот Володька! Я бы и то уже десять раз решила бы эту задачку». А Екатерина Андреевна, с аккуратной косой и красивым пробором блестящих волос, терпеливо и настойчиво объясняла мне у доски решение задачи. И та задача, конечно же, решалась. На радость Екатерине Андреевне, мне, тетке Акулине и нашей школьной мыши, которая сможет спокойно выбраться, осмотреться и, выгнув спину, не спеша пробежаться по крашеному школьному полу.

Домой шли вместе с учительницей. Была метель, и сугробы у клуба стали еще выше. На нашей улице светила единственная лампочка, и Екатерина Андреевна рассказывала мне сказку о доброте и счастье. А на завтра мы снова шли в школу, веселой гурьбой окружали учительницу. Была все та же зима, тот же мороз и чудесные русские сказки.

И вот наступила настоящая весна. Осели и посерели сугробы, запахло сибирской землей. А однажды утром, когда я радостно выбегал из дома, я увидел, что скворечники на наших березах заселены озабоченными деловыми скворцами. Они щебетали, пели, но в то же время зорко следили за кошками, которые вскарабкивались по стволам берез, надеясь пожить весенними гостями. И наша кошка на трех лапах (четвертую, переднюю, она отгрызла себе, когда попала в капкан, поставленный на больших крыс под сенями, зализала ее и долго еще жила с тремя лапами и одной култышкой), так вот, и она тоже чувствовала себя хищником и вместе с подругами карабкалась по стволу и к их удивлению быстрее других близко подобралась к скворечнику. Потом она прыгнула на ближний сучок, на котором сидел молодой скворчик, но прыжок оказался неудач-

ным. Подвела култышка, и наша киса, лихорадочно цепляясь за ветки, полетела вниз и шлепнулась в жидкую грязь. Скворцы радостно запели, а остальные кошки остановились на полпути. Я весело рассмеялся и увидел отца, который все это время, вернувшись с озера, тихо сидел у амбарушки и, наблюдая эту весеннюю картину, улыбался в усы.

– Ну что, мурластая, свежатинки захотелось? – пошутил отец, а я опять рассмеялся и побежал в школу.

Когда у меня дома не решался пример или задача, я бежал к Екатерине Андреевне, которая жила через два дома от нашего. Я забегал за ограду, и меня встречал Тузик, который, звеня цепью, игриво на меня лаял. А затем я бывал наповал сражен братовьями Екатерины Андреевны, которые окопались за пригоном и вели прицельный огонь по воротам и проезжей дороге. При этом пулеметом служила палка, воткнутая в твердый пласт снега, гранатами – длинные лампы, взятые в нашей кинобудке, где их старший брат крутил кино. Я кричал, что, хотя я и ранен, но в плен не сдаюсь и вообще я в войне не участвую и что у меня срочный пакет для нашей учительницы. Меня пропускали с условием, что при выходе я все-таки буду взят в плен. Я обметал валенки и входил в дом, и мы вместе решали трудную задачу, и мне было немножко стыдно, потому что решение задачи я знал заранее.

А зимними вечерами в школе Екатерина Андреевна устраивала нам различные конкурсы. Под праздники мы репетировали и разыгрывали спектакли. А потом в деревенском клубе устраивали официальные концерты: пели песни, читали стихи, играли в небольших пьесках. Заранее рисовали афиши, и народ приходил. Диваны в клубе были заняты все. На первых рядах обычно восседали грозные судьи: наши старожилы – старые бабки. Облокотившись на палки, они сурово смотрели и жевали закрытыми ртами.

Этих-то старух я и стеснялся, особенно, когда мне приходилось играть роль батрака в одной пьесе. Перед началом спектакля я тайком подглядывал в щель занавеса, надеясь, что на сей раз наши судьи не придут. Народ набирался, но первые диваны были пусты. И вдруг я увидел одну из них – Голину Матрену. Шаркая валенками в галошах, она уверенно уселась на первое место и тихим голосом сказала:

– Никак опять школьники балуют!

И мне вдруг стало весело. Я хотел почесать затылок, но его не было, а на его месте была имитированная лысина, ведь я был батраком по пьесе, и девчонки, по совету учительницы, для большей солидности мне его выстригли.

Между тем первый ряд заполнился. Корявые самодельные костыли стояли в ряд. Их держали, и на них лежали натруженные, жилистые руки наших старух. Спектакль можно было начинать. И, когда подошло время моего выхода, я, конечно, опять оробел, но начал играть роль. Молодежь смеялась и хлопала, но почему-то удовлетворения не было, и робость не проходила.

Наши судьи смотрели внимательно и равнодушно. И вот, когда по ходу пьесы я произнес свою речь, обращаясь к своему господину, и при этом трижды поклонился, показывая свой выбритый затылок, я увидел, что сначала задвигались палки, а потом хрипло засмеялись старухи и начали переговариваться между собой. Зрители весело захлопали. И я уже тогда подумал о том, какой все-таки у нас в деревне хороший и мудрый народ, если понял и оценил наш детский труд, труд нашей любимой учительницы. И я ему благодарен всей детской душой.

Будучи уже взрослым, я убедился в том, какой вообще у нас в Сибири хороший народ. Правда, несколько грубоватый, непосредственный, но чуткий и справедли-

вый. А много позже, когда уехал из Сибири, я понял и то, что русский народ самый трудолюбивый и скромный. И мне хочется сказать о нем стихи:

*Я горжусь, что на Руси родился,
Где народ прекрасен и силен,
Где я рос, работал и учился,
Милой русской матерью вскормлен.*

Ну а пока я жил в своей деревне 2-я Пятилетка и наблюдал мир через маленькое оконце детства. Но время имеет свою закономерность. Хотя оно в детстве движется медленно, просто нехотя ползет, но все-таки движется. И пришла весна, десятая весна в моей жизни. Время принесло ее на крыльях все тех же скворцов и вместе с весной оно принесло и легкую грусть, которая поселилась в моей душе. Я поднимался еще на одну ступеньку в небесный рай из бытия, я переходил в пятый класс и прощался с начальной школой.

– 2 –

Осенью мы на велосипедах ездили постигать науки в центральную среднюю школу за восемнадцать километров от деревни. После уроков мы возвращались назад, проделывая тот же путь. Сентябрь был для нас, мальчишек, любимым месяцем. Стояло бабье лето. Красавицы березки стыдливо опускали свои сарафаны, расплетали косы и слегка их золотили. Я люблю наши русские березки еще и за то, что они похожи на мою учительницу: такие же застенчивые и всегда немного грустные.

На полях полным ходом шла уборка пшеницы, и на убранных площадках лежали кучи соломы. Нагретая солнцем, отделавшись от колосков, она дышала и манила своим бронзовым загаром, звала, обещая запах поля, уют и мягкость перины. И мы, конечно, не выдерживали, на полном ходу врезались в кучки, распугивая мышек-полевков. Бросали свои велосипеды, сумки со знаниями тоже отлетали в сторону, мы валялись на солому, и больше для нас ничего не существовало вокруг. Мы барахтались в ней, зарывались с головой, она попадала в рот и в нос, а мы фыркали, смеялись, потом валялись на спину, и над нами, конечно, было вечное голубое сентябрьское небо.

А когда над нами спокойно пролетали божественные птицы – журавли, их прощальное курлыкание тонкими стрелками пронзало мне душу, оставляя в ней сладкий яд тоски. Журавли удалялись, растворяясь в дали горизонта, а яд-тоска оставался, и я знал, что он останется со мной на всю жизнь. Пролетая, журавли расставались с летом, напоминая об увядании природы, через прощальные крики проносили грусть, заставляя думать о своей малой родине, ранили душу и сердце. Журавли – это птицы Родины, они заставляют размышлять, это философская птица.

Улетели птицы, убран с полей урожай, и наступил не любимый многими людьми месяц октябрь, с дождем, резким ветром и мокрым снегом. Октябрь готовит природу к зиме, он голый, промозглый, но я его люблю. Нет уютней и блаженней времени года, когда субботним вечерком, накинув одежду, вбегаешь в баньку по-черному и дружелюбно дразнишь мокрый октябрь, бросаешь ковшичек в жаркое чрево ее, а он стучится в окошечко мокрым колючим снегом, и от этого становится еще уютней и душе, и телу.

В этом месяце мы, ученики, перебирались в интернат, где нам предстояло жить с понедельника до пятницы. Пятницы я любил с детства. К концу урока в этот день

к школе из разных деревень один за другим подъезжали тракторы с тележками. В тележки была настелена солома. И, наконец, мы узнавали свой трактор. Он лихо подкатывал к школьной ограде, тонкая труба стреляла дымом, а из кабины выскакивал наш деревенский тракторист. Мы все устремлялись к окну и кричали: «Наш, наш!» И уж какая тут была учеба! «Историчка», Валентина Ивановна, это понимала, но урок нужно было довести до конца, и она, успокаивая нас и вещая об исторических событиях, срывала голос, но мы все равно ее не слушали.

Домой мы ехали с песнями. Наши девчонки много их знали и любили петь. А впереди была встреча с родителями. Нас ожидал домашний уют, натопленная банька, а мама намораживала в чашках молоко, которое я называл мороженым и вкуснее которого ничего и никогда уже не ел. А в воскресенье вечером опять подъезжал трактор, но теперь он был похож на злобного дракона, забирающего нас, а тракторист был с похмелья и злым. Наши девчонки почему-то не пели. Мы опять уезжали на неделю.

И до сей поры воскресными вечерами ко мне в душу как-то незаметно сама собой закрадывалась грусть. Да, мы были сиротами на неделю и поэтому с детства научились ценить отчий дом, любить его и родителей и всегда, уезжая воскресными вечерами, мы знали, что впереди будет наша пятница, и уже этим были счастливы.

– 3 –

Свою учительницу я видел теперь редко, но при встречах она всегда расспрашивала меня об учебе и всегда куда-то спешила. Я закончил шестой класс. Как-то жарким летним днем, купаясь на озере, я увидел молодого незнакомого мужчину, тащившего лодку на берег, и все во мне как-то насторожилось и замерло. Я почувствовал неприязнь на расстоянии, будто какие-то невидимые нити, липкие и тонкие, окутали мое сердце, и оно заныло. И тут с горы сбегал брат моей учительницы – Володя. Он подбежал ко мне и крикнул, указав на незнакомца, который тем временем уже вытаскивал лодку на берег:

– Во силач какой! Это жених нашей Кати, – и уже тише добавил, – они познакомились прошлым летом в доме отдыха, переписывались, а нынче он приехал к нам, и в августе будет свадьба!

Выпалив все это, он побежал к своему будущему родственнику. А я уже расхотел купаться, и вода теперь не казалась мне ласковой и теплой, а небо чистым и голубым. Я помчался домой по лесной тропинке, а в детской головке билась одна и та же мысль: «Как же так? Зачем?» Я, конечно, знал, что люди женятся, но почему именно сейчас она выходит замуж? Почему так рано?

Прибежав домой, я застал маму с соседкой тетей Олей и с обидой отметил, что они шили и при этом как-то обыденно говорили о предстоящей свадьбе. От ужина я отказался, принес банку с молоком, взял каральку и, наливая молоко в бокал, заплакал. Чтобы не расплакаться навзрыд, я ел каральку и прихлебывал соленым от слез молоком, давась слезами и не в силах их сдержать. Потом я ушел в амбарушку на свою постель, длинно и прерывисто вздохнул, и это стало эхом облегчения моей детской души.

– 4 –

В конце августа, когда закончился сенокос, в огородах уже созрели овощи, и особенно вкусна была молодая картошечка с малосольными огурцами. Когда лето

нехотя прощалось с нами, отдаваясь в руки все тому же прекрасному сентябрю, состоялась свадьба Екатерины Андреевны. Свадьба была не шикарной, крылья ее вдаль не несли, избытка не было, но было много тепла и веселья.

В самый разгар свадебного веселья мы играли в строящемся новом доме, где пахло смолой и сосновой стружкой. Окон и дверей в доме еще не было, но бревна были проконопачены мхом. Местами его уже вытащили птицы, и он свисал из бревен, словно борода. Общее свадебное веселье передалось и нам. Один из наших дружков вытащил из-под доски газету и спички и позвал нас на улицу. Мы по лесенке вскарабкались на чердак, свернули папироски с мхом и прикурили. От первых затяжек у нас закружилась голова, и мы, побросав и затоптав эти самокрутки, стали, как сонные мухи, спускаться назад.

Гости же между тем уже высыпали во двор. Раскрасневшиеся, веселые, они говорили, казалось, все разом. Потом, не спеша и вальяжно, как и подобает деревенскому гармонисту, сошел с крыльца коренастый, до синевы выбритый и опрысканный «Тройным» одеколоном Матвей Прохоркин. Он шел к центру ограды, где для него был поставлен стул, на котором красовалась гармонь-хромка. Он не спеша уселся на стул и, взяв гармонь, начал кидать по головам сверху вниз и наоборот свои короткие толстые пальцы.

Бабам же не терпелось пуститься в пляс и запеть частушки. Они приплясывали на месте, и столько в них было энергии и жизнелюбия, что казалось, еще маленько – и они заискрятся. Да, они в своем порыве были прекрасны! Но гармонист продолжал разминку, и бабы наступали на него: дергали за плечи и торопили. Бойкая Нюра побежала в избу и вынесла ему граненую стопку и ядреный малосольный огурчик, прямо на вилке. Матвей крякнул, заглотив рюмку, хрустнул огурчиком и, растянув гармонь, «вдарил» плясовую. И загудел двор под десятками каблучков и ботинок, и понеслись сибирские частушки, которым, казалось, не было конца.

Между тем братик Екатерины Андреевны проскользнул в дом и вынес большую кружку кваса.

– Кто хочет пить? – озорно крикнул он.

Все немного попили, а я, отхлебнув несколько глотков, вдруг почувствовал, что мне стало как-то особенно весело, и слегка закружилась голова. Я, рукой отодвинув кружку, догадался, что это был не квас. Одновременно с весельем у меня обострилась и реальность, и мне захотелось еще раз увидеть свою учительницу в свадебном наряде. В избу я зайти не решался и стал пробираться через палисадник к раскрытому окну, из которого доносились песни, смех, и пахло чем-то праздничным и домашним.

Пробравшись через кусты шиповника, я оказался у желанного окна. Во мне появилась необузданная смелость, и, когда я увидел Екатерину Андреевну, громко позвал ее. Она обернула ко мне свое разгоряченное лицо и радостно вскрикнула. Я разглядел на ее лице каждую веснушку, ее красивые, слегка подкрашенные губы. Ее карие глаза светились счастьем. Но мне почему-то показалось тогда, что в глубине этих родных глаз была тоска. И, наверное, на мгновение я сумел ощутить ее душу, которая отразилась, как в зеркале, в моей душе, и мои глаза сумели увидеть то, что не могли увидеть другие. Ведь глаза – это зеркало души. К горлу у меня подкатил ком, и сразу же подступили слезы. Чтобы не разрыдаться, я резко повернулся и, перепрыгнув через тын, побежал домой. Дома я схватил велосипед и, на ходу прыгнув на него, опять помчался на свадьбу.

Подогретые медовухой, мои душевные подруги – любовь и обида торжествовали

и искали выхода. Я разогнался и сильно тормозил прямо у ограды. В какой-то момент, разогнавшись очень сильно, я не успел вовремя притормозить и со всего разгона врезался в полуистлевший тын. Ребята засмеялись, а я не спеша встал, утер кровавый нос и побежал вместе с великом. Дома меня рвало, а поутру, проснувшись, я почувствовал, что стал взрослей.

– 5 –

И снова наступила зима, и снова нас увозили на неделю в интернат и привозили на выходные в родной дом. А дома меня всегда ждала и встречала моя родная мама, моя Первая Екатерина. И того домашнего уюта и ласки мне хватало на целую предстоящую неделю. А как были вкусны домашние пельмени, упревшие щи, а как жарка и приветлива была наша маленькая банька с запахов березовых веников! Длинными зимними вечерами мы с отцом играли в шашки или в подкидного дурачка. Уютно горела печка- голландка, посреди комнаты, на половиках, лежала кошка, мурлыкая и облизывая своих котят, а мама пряла шерсть и тихо пела. Мерно тикали часы-ходики. Мне было хорошо и покойно. Тогда я еще не думал о том, что такие вечера в будущем уже не повторятся, и ни за какие в мире ценности их не вернешь хотя бы на мгновение.

Мама много рассказывала мне о своих прожитых годах, о том, как тяжело ей было похоронить пятерых детей, моих братиков и сестричек, которые умерли еще в детстве. Ведь я был одиннадцатым и последним ребенком в семье. Рассказывала о лютых морозах в годы великой отечественной войны, когда она, оставшись одна, ездила на корове за дровами.

– Не замерзать же было с малыми детьми, – рассказывала мама, – я все-таки решилась запрячь корову. Я запрягаю, а она смотрит на меня и плачет крупными слезами. Не выдержала я, обняла свою Чернушку, стоим вместе и плачем. Но слезами печь не натопишь, запрягла я ее, и побрели мы в лес. А утром взяла я баночку и пошла доить. Зимой коровка мало дает молочка, недаром говорят, что зимой молоко шильцем едят. Стала я ее доить, а молоко течет пополам с кровью. Хотя и говорят, что корову не хвалят за то, что она молоко дает, но ведь и создана она не для того, чтобы на ней дрова возить. Отпоила я ее теплым пойлом – вроде, ничего. Но весной она не смогла растелиться и к утру издохла. Как сейчас помню, лежала она с открытыми глазами и словно меня осуждала.

Я слушал рассказы матери и думал: «Милая моя мама, сколько же бед и горя выпало на твою долю, но ты осталась доброй и заботливой, сильной и ласковой, сама об этом не подозревая». Уже тогда я знал, что в жизни у меня будет много хороших и нежных женщин, но не будет таких, как две мои любимые Екатерины. Моя родная мама, которая дала мне жизнь, вскормила грудью и воспитала, моя Первая Екатерина. И моя первая учительница, которая научила меня любить свой дом, свою малую родину и которая вложила в меня частицу своей души.

– 6 –

Восьмой класс – это сложные годы. На самой высоте юношеский максимализм, самоутверждение любыми способами. В интернате каждый самоутверждался, как мог: через курение, через драки, через дружбу с девочками, просиживая с ними в

– 58 –

сушилке целыми ночами. А также в интернате было установлено вечернее и ночное дежурство школьных учителей, но вскоре учителя от него отказались, после случая, когда молодой «русичке» было разбито ухо большим куском черного засохшего хлеба. Дежурить по суткам стали наши родители.

Однажды, приехав на дежурство, мать моего друга сообщила нам, что заболела Екатерина Андреевна, и ее увезли в районную больницу. Утром я наскоро позавтракал и вместо школы пешком отправился в деревню. Был конец апреля, весна уже полностью властвовала на сибирской земле. Снег растаял и оставался только кое-где в лесу. Почернела и задышала земля на полях, пахло прелой соломой и перегноем. Я не мог поверить, что в такую весеннюю пору, когда все обновляется и пробуждается к жизни, можно болеть. Но Екатерина Андреевна действительно была в больнице. Мама мне рассказала, что увезли ее вчера, а сегодня утром позвонили и сообщили, что нужна кровь для переливания. К обеду к конторе подошла машина, и желающих ехать было так много, что пришлось высадить женщин и оставить одних мужчин.

– Спасут, значит, – успокоила меня мать, – мужики-то все молодые и здоровые.

А ночью мне приснилась Екатерина Андреевна. Была она вся в белом, и ей со всех сторон односельчане подавали стаканы с красной жидкостью, а она смеялась и отмахивалась красивыми руками. «Спасут», - подумал я и утром на попутной машине уехал назад в интернат.

Но врачи в районе оказались бессильны, и спасти учительницу не удалось. Не помогла и кровь, которую жертвовали наши мужики. Видно, кто-то руководил свыше. Добрые сердца и души нужны и там, по ту сторону бытия. «Смерть самых лучших намечает и дергает по одному», – пел когда-то Владимир Высоцкий и, конечно, был прав. Но ведь это против всякой логики и противоречит всем нравственным законам. Выходит, чтобы подольше жить, нужно быть дебилом, хамом и т.д., ведь хорошие люди умирают рано. Но ответ найден. Хотя порядочные люди живут меньше, но они отдают гораздо больше света, тепла, ласки и ума, чем остальные, и, может быть, все эти категории материализуются после смерти и пополняют энергетику высшего разума, которая идет на поддержание солнечной энергии для того, чтобы цвели сады, пели птицы, и радовалось на планете все живое.

Я заканчиваю свое повествование и опять собираюсь ехать в отпуск в свою родную деревню. После огромного технократического города, с его шумными улицами и грязным небом, проехав тысячи километров, я окажусь на кладбище у своих двух Екатерин. Могилы их находятся рядом, в очень красивом березняке, и мне кажется, что они встречают меня и улыбаются. Я чувствую легкую и уютную ауру, меня также приветствует многоголосый хор птиц и кузнечиков, которые стрекочут здесь как-то особенно красиво и громко, словно к моему приезду они достали новые скрипочки и стараются вовсю. На холмиках растут костяника и клубника. Они красные и спелые.

Я долго стою у могилки и думаю, что пройдут еще многие годы, а вас, любимые русские женщины, не забудут. Вы проросли в сердцах и душах своих детей и учеников, о вас помнят, рассказывают и пишут. Вот и мою повесть «Две Екатерины» кто-нибудь прочтет и передаст другому. Да! О таких русских женщинах – сильных, смелых, добрых – надо помнить, рассказывать и писать.

ОБ АВТОРЕ

Милан Тешич, писатель, поэт, переводчик, член СП России и Сербии, доктор технических наук, родился в 1953 г. в Югославии (сейчас республика Босния и Герцеговина). объездил полмира: побывал в странах Африки, Северной и Южной Америки, работал в странах ЕС, посетил Индию...

Опубликовал более ста научных работ, монографий, статей на темы управление закрытыми и открытыми термодинамическими системами, развитие и функционирование человека в социальной среде, общество и экология и др.

Кроме того пишет стихи и прозу для детей и взрослых, а также переводит их на русский, сербский, хорватский и английский языки...

Живёт и работает в Санкт-Петербурге.

Лев Кассиль. «Кондуит и Швамбрания» Разговор Оськи с попом о боге

– Бог везде, – строго и наставительно сказал священник, – дома, и в поле, и в саду – везде. Вот мы сейчас с тобой толкуем, а господь бог нас слышит... Он ежечасно с нами. Оська посмотрел кругом, но бога не увидел. Оська решил, что поп играет с ним в какую-то новую игру. – А бог взаправду или как будто? – спросил он. – Ну поразмысли ты, – сказал поп. – Ну кто это всё сделал? – спросил он, указывая на цветы. – Честное слово, правда, это не я! Так было, – испугался Оська, думая, что поп заметил помятые оськиным мячом цветы. – Бог всё это создал, – продолжал священник. А Оська подумал: «Ладно, пусть думает, что бог, – мне лучше». – И тебя самого бог про-извёл, – говорил поп.

– Неправда! – сказал Оська. – Меня мама!

– А маму кто?

– Её мама, бабушка!

– А самую первую маму?

– Сама вышла, – сказал Оська, с которым мы уже читали «Первую естественную историю», – понемножку из обезьянки.

– Уф! – сказал вспотевший поп. – Безобразие, незаконное воспитание, разврат младенчества! И он ушёл, пыля рясой.

Услышал бы Чарльз Дарвин беседу Оськи с попом, безусловно, растрогался бы. «Здорово мальчонка прижучил батюшку. Такой маленький, а уже знаком с моей те-

орией эволюции живых видов... Наука – это тебе, брат, не религия, которую не зря называют «опиум для народа».

Говоря откровенно, работы Чарльза Дарвина на тему эволюция живых организмов и происхождение видов действительно оказали огромное влияние на историю человеческой мысли, ознаменовали начало новой эпохи в развитии биологии и других научных дисциплин. Официальная наука по-прежнему строго придерживается дарвиновского учения. Но в последнее время в медиапространстве появилось немало научных публикаций с критикой дарвинизма.

Сегодня в рубрике «Философские посиделки» свой взгляд на учение Дарвина о происхождении человека высказывает сербский ученый и писатель Милан Тешич. И делает это элегантно, используя логику и давно известные законы природы, биологии в том числе. Аргументы Милана Тешича настолько убедительны, что приходится удивляться, почему Дарвин, не обратил на них внимание, когда разрабатывал теорию происхождения видов.

Друзья, прочитав статью, не пожалеете потраченного времени, а получите огромное удовольствие. Скажу больше. В следующем номере альманаха в рубрике «Философские посиделки» мы вновь коснёмся теории Дарвина, но в несколько иной плоскости. Милан Тешич представит на суд читателя свою сенсационную теорию происхождения человека. Не пропустите, новую публикацию нашего автора.

Философские посиделки

ПРИЧИНЫ, ПО КОТОРЫМ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ НЕВЕРНА

Теория Дарвина имеет не просто эволюционный характер. Главная её идея в том, что в процессе эволюции происходило прогрессивное совершенствование организации живых существ от низших из видов к высшим. Высшей точкой всей эволюции был признан, разумеется, человек. Понятно похвальное желание доказать, что тот род разумных живых существ, к которому мы имеем честь принадлежать, является вершиной жизни на Земле, выше которой уже ничего нет и быть не может. Это нам, разумеется, льстит, но так ли всё обстоит на самом деле? Односложно ответить на этот вопрос нельзя. Поэтому, прежде чем получить искомый ответ, совершим небольшой экскурс в историю предмета.

Последовательным сторонником дарвиновского учения и эволюционной теории в целом, защите и пропаганде которой он посвятил ряд своих трудов, оказался Ф. Энгельс. В своей некогда знаменитой, а сейчас забытой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он, опираясь на труды известного в своё время антрополога Моргана, так описывает низшую ступень, или «детство» человеческого рода: «Первобытные люди находились ещё в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических лесах, частью на деревьях... Пищей служили им плоды, орехи, коренья... Главное достижение этого периода – возникновение членораздельной речи (хотя это состояние), длилось, вероятно, много тысячелетий.

Доказать его существование на основании прямых свидетельств мы не можем, но, признавая происхождение человека из царства животных, необходимо допустить такое переходное состояние». Логика рассуждения обезоруживающе проста. Никаких свидетельств существования такого периода нет, но мы должны его допустить.

Почему же должны? Потому что человек произошёл из царства животных. Кто сказал, что человек произошёл из царства животных?

Вообще уже не столь важно. Важно другое: то, что известные влиятельные мыслители-философы, учёные Дарвин, Гегель и прочие, продавшиеся за славу, никогда талантом и трудом не достигаемую, и материальные блага, делали подготовку для подлого раскрытия человеческого будущего, для глобальной манипуляции человечеством. Вот и вся система «научных» доказательств.

По всему выходит, что человек произошёл из царства животных, как единственное животное существо, которое эволюционировало. Просто выпрыгнул вверх пирамиды и вышел из мира жи-

вотных. Сначала он, как и многие другие его сородичи, вроде обезьян, лазал по деревьям, питался орехами, плодами и кореньями, потом по совершенно непонятным и необъяснимым причинам обрёл членораздельную речь, от вегетарианской диеты перешёл к рыбной и мясной. Однако, в отличие от других животных, питающихся такой же пищей, он не пожелал есть её в сыром виде, стал варить и жарить. Как очень тонко заметил Энгельс, рыбная пища делается вполне пригодной к употреблению лишь благодаря огню.

Тут не хватает естественного и более важного вопроса: почему именно для человека варёная или жареная пища предпочтительнее сырой пищи? Ответ на него уверенно ни к какой эволюции отношения не имеет. Тезис, что человек эволюционным путём развился из царства животных, не доказан ни Энгельсом, ни кем-либо другим. Это чистой воды предположение, притом в самом примитивном дарвино-гегелевском варианте. Если человек некогда был диким животным, он таким бы и остался; поскольку природе совершенно несвойственны такого рода «кульбиты», скачки и метаморфозы, подобные метаморфозам Овидия. Наоборот, её отличает удивительное постоянство видов. Если бы человек и в самом деле произошёл путём долгой эволюции из обезьяны, то совершенно непонятно, почему ни один из других видов животных не проделал подобного же пути и не дошёл до стадии мыслящих существ? Здесь совершенно нет никаких критериев, одни догадки и предположения, притом часто самого фантастического свойства.

Обращу внимание ещё на одну сторону проблемы, которая обычно выпадает из рассуждений эволюционистов. Выше говорилось, что эволюция по Дарвину не простое развитие, а развитие прогрессивное, то есть переход от менее совершенных организмов к организмам более совершенным. Но в природе такого перехода не может быть в принципе, поскольку он носит затратный характер. На такое требуется приложение внешних усилий и энергии. Если речь идёт о живой природе, то в ней происходит только простой рост в рамках одного качества, но никогда переход из

одного качества в другое. Такой переход противоречит всем законам природы, суть которых в том, что каждое естественное движение и развитие происходит исключительно по пути наименьшего сопротивления.

В природе всё имеет тенденцию двигаться и развиваться в направлении от более сложного к менее сложному, но не наоборот. Чтобы движение шло в направлении, противоположном естественному, от менее совершенных форм к формам более совершенным и организованным, от холодного к тёплому и т.д., требуется непереносимое приложение внешней энергии и работы. Само собой такое происходить не может. Как пример, яблоня-дичок сама по себе никогда не может превратиться в «культурную» яблоню. В то же время, «культурная» яблоня, предоставленная самой себе, быстро дичает или, другими словами, движется по пути наименьшего сопротивления.

Во всех этих и подобных случаях для того, чтобы повернуть движение вспять в направлении прогрессивного развития, требуется, повторяю, приложение дополнительной внешней энергии и работы. Но такое приложение не происходит само по себе, оно предполагает наличие какого-то наделённого творческой энергией существа. Даже при этом условии возможность качественного изменения природы крайне ограничена. Но, будучи даже реализованной, она ведёт, как правило, к искажению каких-то существенных сторон изменяемых организмов, обычно в сторону ослабления их защитных свойств и деградации. Это легко видеть на примерах «окультуривания» некоторых видов животных или растений.

Из сказанного уже можно сделать вывод, что естественная эволюция обезьяны в человека невозможна в принципе. Генной же инженерии в те далёкие времена ещё не существовало. С точки зрения закона природы, более правильным было бы считать, что сама обезьяна, по крайней мере, некоторые её виды, это деградировавший, выродившийся, одичавший человек. Если даже это не так, то, по крайней мере, такое предположение больше соответствует законам природы. Ближе к истине предположение, что, подобно другим живым существам, человек возник сразу таким, каков он есть по сию пору.

Невозможно себе представить, чтобы вертикальное положение тела, посадка и форма головы, отсутствие шерстяного покрова, строение челюстно-лицевого аппарата, как бы специально созданного для членораздельной речи, и другие его физические отличия развивались постепенно, по отдельности или одно за другим. Вслед за известным культурологом О. Шпенглером в данном случае можно сказать: – Все они возникли вместе и неожиданно. Единственно, остаются вопросы: где, когда, на каком месте и почему? Только страсть анатомов к классификации поставила человека рядом с обезьяной. По одной только своей общей системе человек выходит за пределы всех иных порядков: по одним чертам телесного строения он весьма примитивен, по другим исключение. А вся беда в том, что классификацию устанавливали анатомы без расширенного взгляда на проблему и вообще не рассматривали человека как отдельную породу живого существа со своими характеристиками, отличающими его от животных.

В не менее знаменитом сочинении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» Маркс и Энгельс рисуют нам новую увлекательную картину. Сотни тысячелетий тому назад в ещё не поддающийся точному определению промежуток времени того периода в развитии Земли, который геологи называют третичным, продолжительно к концу этого периода жила в где-то в жарком поясе, по всей ве-

роятности на обширном материке, ныне погружённом на дно Индийского океана, необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших условных предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши, и жили стадами на деревьях. Вот вам пример типичной научной фантастики: он не содержит ни единого слова, имеющего какое-нибудь реальное основание. И всё это выдается за серьёзную научную гипотезу, даже почти доказанную теорию. Имели, выходит, бороды и остроконечные уши.

Вглядитесь в себя, читатель, может быть, вы найдёте в себе черты сходства с этими милыми существами? Дальше он сообщает нам банальную истину, что ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа. С этим утверждением надо согласиться, ввиду его полной очевидности. Прежде чем первый камень, при помощи человеческой руки, был превращён в нож, должен был, вероятно, пройти такой длинный период времени, что в сравнении с ним известный нам исторический период является незначительным. Но решающий шаг был сделан, рука стала свободной и могла теперь усваивать себе всё новые и новые сноровки, а приобретенная этим большая гибкость передалась по наследству и возрастала от поколения к поколению. Итак, по Марксу и Энгельсу, обезьяна постепенно научилась приспособлять свою руку, вернее переднюю лапу, к выполнению всякого рода полезных действий. Этот момент очень важен, и я обращаю на него особое внимание.

В самом деле, если обезьяна научилась сама использовать свою переднюю лапу в качестве свободной руки, то каким образом и по какой причине это могло произойти? Прежде всего, поясним это для себя. Что надо понимать под «свободной рукой»? Упомянутые уважаемые мыслители не дают этому никакого объяснения. Однако, следуя общему направлению их рассуждений, под ней следует понимать руку (лапу), действующую по инстинкту, а не по велению разумной воли. В наше время ни у каких видов обезьян ничего подобного не наблюдается, даже у самых умных. На самом деле теоретики-эволюционисты не туда смотрели: вся загадка скрывается вовсе

не в руке, а в голове. Прежде чем толковать о руке, нужно было начинать с головы, потому что только из неё могут следовать соответствующие импульсы в руку (лапу) и делать её «свободной», т.е. способной что-то создавать, творить по велению разума. Рука (лапа) сама по себе, без руководства разума, ни на что не способна, кроме движений, обуславливаемых инстинктом. Именно это и демонстрируют все виды обезьян, которые только существуют на земле. Проблема сводится, таким образом, к вопросу: могли ли в обезьяньих головах с острыми ушами и бородами сами по себе возникнуть такого рода импульсы. Ни Дарвин, ни Энгельс с Марксом даже не ставили этот вопрос. А зря! Если бы они сделали это и задумались над ответом на него, то быстро бы пришли к выводу, что никаких причин для возникновения упомянутых импульсов не было и не могло быть. Нет их и сейчас, по какой-либо причине обезьяна и ныне остаётся обезьяной и ни во что не переходит и не эволюционирует.

Сейчас подходим к ключу проблемы. Выше упомянутые учёные и мыслители занимались вещами, которых не понимали, а выполняли, скажем так, определённый заказ. У них не было достаточно элементарных знаний о предмете изучения и, следовательно, никакого логического образа мышления, а только задание с готовыми выводами, которые должны быть узаконены в научную теорию, и подготовить условия для прогрессивного развития организации жизни живых существ для следующего этапа развития, например, манипулирования человеком. Отсюда следует в общем простой и естественный вывод: прежде чем чья-либо лапа способна превратиться в свободную руку, нужно чтобы у обладателя этой лапы появилось в голове нечто такое, что послужило бы причиной для свершения этого чудесного превращения. Это «нечто» называется «мыслящим разумом».

Вот откуда он – вопрос другой, и к обезьянам он не имеет никакого отношения. Тут классик явно заблуждался, приняв досужие фантазии английского учёного-натуралиста за истину. То, что Энгельс перевернул всю проблему с ног на голову, видно также из следующего пассажа. Рука, таким образом, является не только органом труда, она также и продукт его. Только благодаря труду, благодаря приспособлению ко всё новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особого развития мускулов, связок... – только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, музыку Паганини и т.п. Известен Энгельс своими независимыми суждениями в области политики, что в данном случае демонстрирует странную и совершенно некритическую приверженность своих выводов и суждений учению Дарвина. Объяснить этот странный факт можно, видимо, характерным для XIX века общим поветрием и восторженным присутствием, часто некритическим, всевозможных научных открытий, которыми тот век изобилует, и многие из которых, на поверку, оказались ложными.

Обращу внимание и на первую фразу приведённого выше отрывка, что рука является не только органом труда, она также и продукт его, того же труда. Так, по Энгельсу, рука есть продукт труда. Но чем тогда является сам труд? Разве животные трудятся? Разве им присущ труд вообще? Согласен, в разговорной речи мы часто применяем в отношении животных слово «труд», труд животных – лошадь трудится, пчёлы трудятся и т.д. Но это лишь штамп языка, который мы механически переносим на животных. На самом деле труд – это целесообразная, а значит, осмысленная деятельность. Другими словами, труду, как и «свободной руке», необходимо должен предшествовать и ему

сопутствовать всё тот же мыслящий разум, иначе нет и не может быть никакого труда, а есть лишь обусловленное инстинктом хватательное, роющее, оборонительное или наступательное движение лап. К тому же нет, кажется, более ленивого существа, чем обезьяна. В том смысле человек действительно похож на неё, и если вести его родство от обезьяны, то на основании разве что этого признака. Но вся штука в том, что обезьяна физически и физиологически устроена так, что не имеет никакой необходимости трудиться, т.е. осмысленно добывать себе средства жизнеобеспечения. Они вокруг неё, и чтобы получить их, достаточно протянуть лапу или, в крайнем случае, забраться на соседнее дерево или ветку.

Совсем не то человек. Его физическая и физиологическая конституция такова, что постоянно требует от этого ленивого по природе существа какой-то деятельности, чтобы, как минимум, одеть, накормить, укрыть себя и своих ближних от непогоды, а уже, как максимум, это и не надо объяснять вам. В этом весьма важном вопросе, ответ на который мог бы раскрыть тайну происхождения человека, поставил, образно говоря, телегу впереди лошади, или труд до появления мышления. А ведь только мышление превращает инстинктивные действия в осмысленную деятельность, или собственно труд. Сказать, что труд превратил обезьяну в человека, равносильно утверждению, что обезьяна могла мыслить до того, как превратилась в него. Но в этом случае она уже принадлежала бы к роду *Homo sapiens*, и у неё в этом случае не было бы никакой нужды, ни во что, эволюционировать. Чем дальше, тем более фантастическими становятся рассуждения Энгельса. Вот что значит поверить безоглядно в заведомо ложную теорию. «Развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества... Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим».

Что же получается? Не выйдя ещё из обезьяньего состояния, некие промежуточные существа вдруг испытали потребность что-то сказать друг другу. В своё время у меня была очень умная собака, которая, как я был уверен, всегда испытывала потребность что-то сказать мне. К сожалению, не могла. Потребность была, а способность отсутствовала, поэтому вместо слов неизменно раздавался лай. Странно, что такой незаурядный мыслитель, как Энгельс, не понял простой вещи: потребность сказать что-то может возникнуть только при владении членораздельной речью, которая, в свою очередь, предполагает существование соответствующего речевого аппарата. Прежде чем может появиться потребность что-то сказать другому существу, нужно иметь что сказать, чем сказать и как сказать, т.е. нужно уже владеть членораздельной речью, а, следовательно, и способностью мыслить, пусть даже на самом примитивном уровне. Мыслить же, значит, иметь знания, но знания невозможны без языка. Всё это образует неразрывную цепочку, все звенья которой прочно связаны друг с другом. Пока всего этого нет, не может появиться и потребность воспользоваться всем этим, то есть, вступить в осмысленное общение с сородичами на основе членораздельной речи.

В целом, всё сказанное выше говорит о том, что приверженцы теории эволюции отталкивались в своих выводах о происхождении человека от обезьяны исключительно на основании сходства, но не идентичности, их анатомического строения и

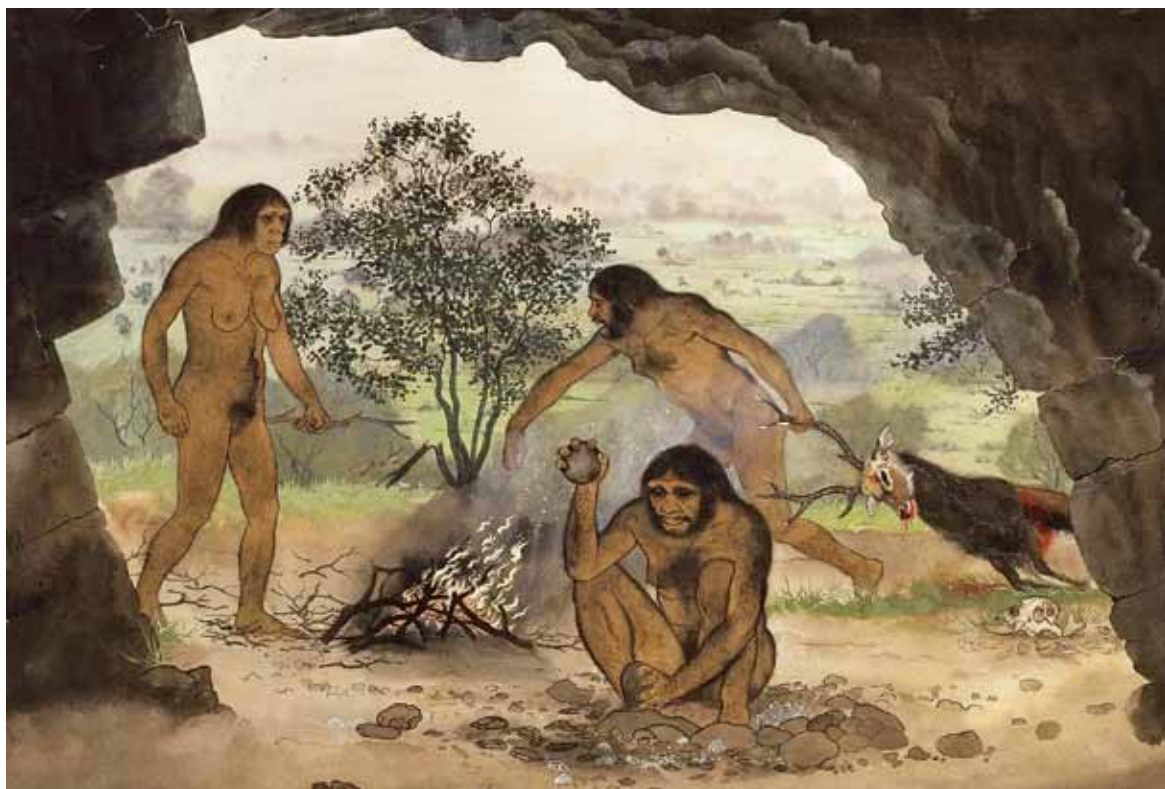
некоторых внешних признаков. Однако, каким образом, в соответствии с какими законами природы могла произойти эволюция – ни слова. За много веков до того всем известный философ Платон определил человека как «существо на двух ногах и без перьев». Его современник, философ-киник Диоген, как ответ на это, притащил ощипанного петуха и объявил: «Вот платоновский человек!». С каким бы юмором не относиться к платоновскому определению, в нём, тем не менее, содержится общая отсылка на биологическую природу человека. Представляется, что природа эта играет важнейшую роль в становлении человека как такового. Так, скажем, некоторые учёные отмечали единые для всех людей биологические признаки и определяли их как некий фундамент, на котором строятся их сходные общественные установления и институты, нравственные принципы, разнообразные навыки и умения и т.д. В основе этого сходства лежат, в том числе, и особенности физической природы человека. В этой связи представляют интерес рассуждения французского географа Видаля по принципам человеческой географии.

Эти принципы имеют прямое отношение к поставленным здесь вопросам. Роль географической среды в развитии человеческой цивилизации подробно рассматривали ещё Монтескье, Руссо и другие мыслители. К её оценке в жизни человека Видаль подошёл с иной, я бы сказал оригинальной, точки зрения, и его наблюдения во многом проливают свет на поставленные выше вопросы. Он специально обращает внимание на следующий примечательный факт: местные ресурсы, связанные с географической средой, не доставляют человеку ничего, кроме материалов, необходимых для изготовления тех или иных орудий и предметов. Однако основная идея, замысел самих изделий не имеет местного происхождения. Орудия и предметы, которые человек создал для нападения и обороны, для хозяйственных нужд, для транспортировки или как емкости для хранения и т.п., в основных своих чертах имеют общие, свойственные всем народам формы. Независимо от того, камень или железо, раковина или дерево использованы в составе сложного целого – топора, палицы, лука, повозки и т.д. – все они едины по лежащей в их основе идее. Пирога, выдолбленная из ствола дерева, челнок из древесной коры, каяк, обтянутый кожей, такелаж с парусами из рогожи или из кожи, как у древних кельтов, – все они различаются главным образом материалами, но не самим замыслом. Самое главное во всём этом – идентичность заложенной в них идеи.

Что здесь поражает в первую очередь, это – повсеместная изобретательность человека, его инициатива, пластичность, свобода. Различия природного окружения дают лишь возможность проявиться силе и разнообразию творчества разных народов, тогда как само творческое начало остаётся неотъемлемой чертой всех народов без всякого исключения и независимо от места их обитания. Однако, при всей её важности, она ещё не решает проблемы. Главное – выяснить, откуда эти сила и могущество человеческого разума. Не от обезьяны же, в самом деле! Почему в различных частях планеты, не сообщаясь друг с другом племена и прочие человеческие ассоциации, не сговариваясь, не учась опыту других, делают примерно одно и то же, исходя из имеющихся под рукой природных ресурсов и материалов? Изобретательность, творчество – да, но откуда они? Как минимум то и другое невозможно без языка как системы понятия знаков. Но откуда сам язык и откуда такое количество разумных языков? И почему при этой общности творческого начала одни народы преуспели больше других? Почему одни как бы застыли в одном качестве, другие же стали

бурно развивать искусства, науки, ремесла, формы государственного устройства и т.д.? Эти вопросы капитальные, и без более или менее удовлетворительного ответа на них всякие рассуждения о происхождении человека не стоят ничего. Конечно, ряд поставленных вопросов практически не поддаются решению, но это не значит заполнять пустоты безосновательными фантазиями.

Обратимся ещё раз к определению Платона. Для большей наглядности перефразируем его так: «Человек есть существо на двух ногах и лишённое шерстяного покрова». В этом определении есть как минимум два несомненных биологических признака, принципиально отличающих, как вместе, так и порознь, человека от других животных. Они могут дать нам ключ если и не ко всем тайнам его природы, то и некоторым весьма важным из них. Отметим, прежде всего, следующее обстоятельство: вопреки существующему в науке мнению, что человек есть вершина животной эволюции, вертикальное положение его тела с точки зрения биологической вовсе не является преимуществом. Наоборот, с физической точки зрения, оно представляет существенный недостаток, ставящий его в невыгодное положение по сравнению с другими животными. Благодаря ему он хуже бегаёт, с трудом взбирается на деревья, быстрее утомляется, к середине жизни начинает приобретать заболевания, неведомые животным, вроде радикулитов, остеохондрозов подагры и т.п. Никакая эволюционная теория, в основе которой лежит идея прогрессивного развития организмов от низшего к высшему, не способна объяснить, почему в случае с человеком произошло не улучшение, а ухудшение важных физических свойств, столь необходимых животным для сохранения и обеспечения своей жизни. Дальше – хуже. Земля совсем не рай, физические условия на ней достаточно суровые. Повсюду у животного мира мы видим, что от холода, непогоды и прочих внешних неблагоприятных условий

животных, по крайней мере, теплокровных, спасает либо шерстяной покров, либо достаточно толстая и прочная шкура.

Не то у человека. Что это за такие прогрессивные законы эволюции, которые привели к тому, что человек оказался лишенным столь необходимых средств защиты, которыми природа совсем не случайно наделила всех остальных? Человек – единственное на земле голое в буквальном смысле слова существо, и один лишь этот факт заставляет задуматься над его действительным происхождением. Он имеет тонкую нежную кожу, не защищающую его ни от холода, ни от жары, ни от насекомых, ни от других неприятных и вредных воздействий извне. Кровеносные сосуды подходят к ней непосредственно, и при всякой самой незначительной царапине она начинает кровоточить и причинять беспокойство и неудобства. Почему человек имеет вертикальную стойку? Почему человек лишён шерстяного покрова и толстой шкуры и вынужден отбирать то и другое у других животных? Это тайна, которая прямо связана с вопросом о происхождении человека. Решить её, оставаясь на позиции дарвинизма, совершенно невозможно.

Однако сама эта тайна может привести на кое-какие полезные и вполне правдоподобные выводы. Прежде всего, нет сомнений в том, что при наличии упомянутых физических недостатков человек мог выжить только в том случае, если он обладал чем-то, что могло компенсировать эти недостатки. В самом деле, не мог же он ходить обнажённым и испытывать от этого без конца всякие физические страдания. Чтобы уберечься от холода, непогоды и иных неприятностей, идущих извне, а значит физически выжить, человек вынужден был волею обстоятельств чем-то прикрывать свою наготу. Этим «чем-то» могло быть лишь то, что носит название одежды, из чего бы та ни делалась. Но эту одежду надо было достать или из чего-то сделать, а это невозможно без наличия определённых умственных способностей, сообразительности, а также изрядной доли воображения.

Далее, жить – значит, прежде всего, питаться, питаться – значит добывать пищу. Человек не приспособлен есть траву, как уже говорилось, он плохо бегаёт, ещё хуже взбирается на деревья, а потому не в силах настичь и поймать нужных ему для пищи животных. Если даже ему посчастливится сделать это, он не может есть сырое мясо – его зубы и желудок для этого плохо приспособлены. Значит, чтобы добыть себе пищу, ему как минимум нужны какие-то орудия, способные компенсировать его физические недостатки, а чтобы съесть то же мясо, ему нужен страшный для всех остальных животных огонь, на котором он мог бы его сварить или зажарить и сделать буквально «по зубам». И здесь опять та же дилемма: либо погибнуть, либо что-то придумать, сообразить, напрячь своё воображение и что-то создать, сделать, придумать. Но для всего этого требуется то, что имеет только человек, а именно – мыслящий разум, способный создавать из окружающих природных материалов нечто новое, чего нет в самой природе. Акцентирую внимание на этих, в общем, элементарных вещах, лишь с той целью, чтобы ещё раз подчеркнуть (показать) самую тесную связь между биологической природой человека и его природой как существа разумного. В единстве они составляют то, что решительно выделяет человека из остального животного мира и что не поддаётся объяснению с эволюционной точки зрения. Вот в этом, биологическом смысле, есть человек и вправду существо исключительное – никакая проблема, схожая с той, с которой он столкнулся и продолжает сталкиваться, не стояла и не стоит ни перед одним животным: их биологическая природа вполне соответствует окружающей внешней среде.

И ещё одно принципиальное обстоятельство: известно ли нам какое-либо живое существо на земле, которому требовалась бы такой длительный срок для вынашивания, выкармливания и доведения до самостоятельного существования своего детёныша, как у человека? Оглянитесь вокруг, взгляните на окружающих вас птиц, высиживающих по весне своих птенцов в гнёздах, на ваших собак и кошек, на коров, овец, лошадей и т.п. Каких-нибудь несколько недель, и детёныши – птенцы уже летают, котята, щенята, ягнята, и прочая молодежь – уже бегают, самостоятельно добывая себе пищу. У копытных и того меньше, жеребёнок, едва выйдя из чрева матери, через какие-то считанные минуты поднимается на подгибающихся, слабых ещё ногах, и через короткое время уже бежит за ней и тычется в её вымя. Человеческий детёныш и через год едва-едва встаёт на ноги, причём без посторонней помощи не может сделать даже нескольких шагов. Лишь после пяти лет начинает делать что-то сам, не становясь при этом самостоятельным. К 13-14 годам, когда многие млекопитающие животные подходят уже к пределу своей жизни, человек едва достигает половой зрелости. Только к этому возрасту можно условно отнести момент его превращения в существо, способное обойтись без помощи родителей.

У млекопитающих животных этот момент приходится максимум на первый год жизни. Некоторые исследователи рассчитали, что детёныш человека является для родителей беспомощной обузой в среднем в продолжение $1/5$ срока жизни человека, тогда как для прочих пород животных это число не превышает $1/20$. Если в среднем принять продолжительность жизни человека 80 лет, то эта обуза составит 16 лет (в наше время, ввиду растущей инфантильности, она значительно увеличивается), у животных максимум один год. Одна лишь эта биологическая особенность человека, не говоря о других, играет грандиозную роль в историческом развитии человека. Только ею объясняется возникновение такого социального и культурного института, как брак и семья. У животных нет семьи в нашем понимании. Они сходятся на короткий срок рождения и кормления детёныша. Тем более не приходится говорить о браке, ибо тот является чисто социальным институтом. Он есть не что иное, как договор, освящённый и подкреплённый авторитетом общества, поскольку последнее заинтересовано в продолжение рода. Этот договор не просто формальный акт. Он возлагает на родителей обязанность обеспечения и воспитания ребёнка до приобретения им способности к самостоятельной жизни.

У разных народов эти сроки разные, но сам институт существует везде и является собой пример всё того общего описания для человечества биологических признаков. Без него человеческий детёныш, в силу указанных выше биологических особенностей, был бы обречён на неминуемую гибель, а тем самым на гибель был бы обречён и весь человеческий род. Дарвин был хорошим натуралистом, но, как это часто случается с представителями естественных наук, был плохим философом. В духе наивного материализма не имел широту взгляда на изучаемую проблему. Можно даже сказать, что он «вульгарный марксист» в биологии. Доктрины исторического материализма нынче мало кто придерживается. Дарвинизм же, несмотря на все достижения в биологической науке, особенно в области генетики, как ни странно, продолжает здравствовать, и дарвиновская обезьяна кому-то до сих пор видится как предок человека. Мифы изживаются с трудом. Остаётся загадкой, почему люди с такой лёгкостью уверовали в это сомнительное родство, хотя им до того более полутора тысячи лет вдалбливали в голову веру в их божественное происхождение. Может быть, из-за духа противо-

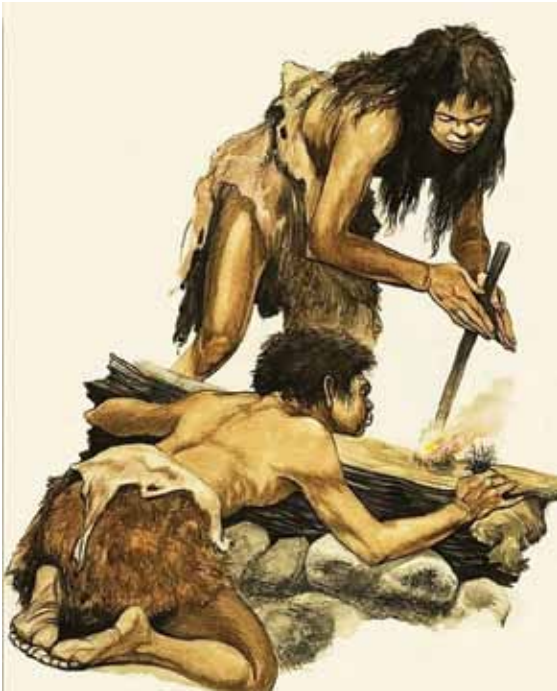
речия или из слепого доверия к каждому слову, исходящему от науки, этой новой религии человечества, которая как раз в XIX веке стала завладевать умами людей?

Тайна сия велика есть. Впрочем, может быть, и тайны-то никакой нет. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь внимательно приглядеться к самому себе и увидеть, что все мы необычайно падки на всякие небылицы. И чем эти небылицы забористее, тем легче мы в них верим. Совсем не случайно во все времена процветают гадалки, астрологи, оккультизмы, самозванные пророки, новые обещающие религии, и люди охотно верят во всякие чудеса, духов, домовых, водяных, в приметы и прочие подобные вещи. По сравнению с ними гипотеза Дарвина была, в общем, совсем невинной, она и впрямь содержала нечто свежее, необычное, нестандартное, а значит привлекательное. К тому же она была освящена наукой, в которую человек привык с некоторой поры безоглядно верить. Добавим к этому, что эволюционные теории, подобные дарвиновской, относятся ли они к миру природы или человеческому обществу, конструируют картину некоего однолинейного прогрессивного развития общества, человека или мира животных в целом.

Такого рода теории привлекательны и доступны тем, что вследствие своей обнажённой простоты и даже примитивности первыми приходят в голову и быстро воспринимаются людьми. Возможно, именно поэтому ими изобилует вся история науки и философии. Более основательны взгляды тех учёных, которые не делят животный или социальный мир на «низшее» и «высшее», или «высокоразвитое» и «примитивное».

В этом смысле заслуживает внимания немецкий биолог и зоопсихолог Якоб Икскюль. В своей работе «Внешний и внутренний мир животных» он убедительно вскрыл несостоятельность дарвинизма, где показал, что нет животных более совершенных и менее совершенных, развитых низко и развитых высоко. Каждое живое существо есть законченное творение и уже в силу этого обладает совершенством. Каждое из них наилучшим образом приспособлено всей своей системой жизнедеятельности к окружающей внешней среде и к отправлению в соответствии с ней своих жизненных функций. В этом смысле дождевой червь столь же совершенен в своей законченности, как и дарвиновская обезьяна, и ни одно живое существо не может выполнять функций другого. Отсюда понятно, что ни одно из них также ни во что не переходит и не эволюционирует. Тот же дождевой червь сегодня такой же, каким был сотни тысяч лет назад и тайна его появления столь же глубока и непонятна, как и тайна появления человека и других животных. Любое живое существо, как в растительном, так и в животном мире, уникально и занимает отведённое ему природой место, не перекрещиваясь с другими, не видоизменяясь, не эволюционируя, будь то яркий полевой цветок или скромная травинка, водяной жук или ткущий паутину паук, волк или собака, обезьяна или человек.

Если же случается какое-нибудь выходящее из ряда уродство, получившее названия мутации, то оно, как правило, носит искусственный насильственный характер и исходит обычно от наделённого даром воображения и изобретательностью человека, который использует сей «божий» дар особенно успешно в делах вредоносных и разрушительных. Есть все основания утверждать, что биологические особенности человека имеют совершенно очевидную и неразрывную связь с его разумно-духовной сущностью. Их нельзя искусственно разорвать или разделить ни во времени, ни в пространстве. Они появились одновременно. Где, как, почему? На эти вопросы ответа пока нет, хотя это неразрывное единство особенностей телесной и духовной

организации человека наводит на ряд соображений относительно происхождения человека. В самом деле, если эволюционная теория Дарвина ложна, а она именно такова, то естественным образом возникает необходимость в альтернативе. В раскрытии истины нужно искать иные пути, иные средства, и они, на мой взгляд, лежат в области мифологического и религиозного сознания многих народов. При всём их разнообразии и многообразии все они в той или иной форме содержат одну общую всем мысль, именно – о внеземном происхождении человека. Для полноты картины надо отметить ещё один аспект теории эволюционного происхождения человека, указывающий на её крайнюю односторонность и ограниченность. Она

совершенно игнорирует такой важный для понимания развития человечества факт, как существенные различия в темпах и качестве развития отдельных звеньев человеческого рода. В самом деле, человечество как род едино, в его рамках нет народов глупее или умнее других. И, тем не менее, одни народы создали могущественные цивилизации с высокой культурой, другие же почти до наших дней остались чуть ли не в первобытном состоянии. В чём же причина этого странного явления?

То, что все народы способны при соответствующих условиях к быстрому развитию, доказывает наше время. Считавшиеся некогда отсталыми и даже дикими народы сегодня в условиях всестороннего развития технических, экономических и в целом культурных связей и возможностей, в короткое время не только достигли уровня цивилизованных народов, но и в ряде случаев обошли их. Но пока это так, то возникают вопросы: почему на начальных этапах существования человечества одни народы достаточно быстро двинулись вперёд в своём материальном и духовном развитии, тогда как другие как бы застыли на одном уровне? Почему одни народы овладели земледелием, научились добывать руду и плавить металл, производить из него орудия труда, выпускать ткани, придумали письменность, математику, астрономию и другие науки, создали государство и институты государственного управления... Другие же остались на уровне первобытного состояния? Думается, от решения этих вопросов во многом зависит не только понимание процесса развития человеческой цивилизации, но и её подлинные корни, тайны её происхождения.

ГЛАВНОЕ – ПОЙМАТЬ МГНОВЕНИЕ НА УДАЧНЫЙ КАДР

Фотограф Владислав Васильев

КАПРИЗНАЯ МОДЕЛЬ

На фотоохоту Владислав Васильев выходит ночью. Лунный календарь, карта облаков и сумка с оборудованием, которая всегда наготове, – петербуржец в любую минуту может сорваться на съемку.

«У нас питерская погода, сами понимаете. Сейчас уже три месяца одни сплошные тучи и все “лунатики” – ребята, которые занимаются съемкой луны, – сидят и ждут удачной погоды, – делится с журналистом «Metro» фотограф. – С луной все очень сложно! У нее нет графика, есть свой лунный календарь. Она может появиться и днем, и ночью. Когда угодно!»

СОЛНЕЧНЫЙ БЛИН

Владислав Васильев – фотограф-любитель. Вот уже почти десять лет он занимается пейзажной съемкой. Помимо луны, в объективе петербуржца бывает и солнце. В его коллекции уже 800 кадров с рассветом и 2 000 с закатом. Солнце квадратное, рваное и «блином» удалось запечатлеть фотографу.

«Оптические обманы есть всегда. Солнце, проходя через твердые слои атмосферы, может казаться квадратным. Я в прошлом году фотографировал восход над Финским заливом, так солнце было прямоугольным, – рассказывает Владислав Васильев. – Луна, например, на закате или восходе, может казаться красной или бордовой. Это зависит от того, где вы снимаете и насколько пыльная атмосфера. Плюс какое время года – лето или зима».

ГИГАНТСКАЯ ЛУНА

Сама съемка длится всего несколько минут. Ей предшествуют месяцы подготовки. Подбор локации, поиск самой удачной точки, размышления над ракурсом – фотограф может совершать десятки репетиционных выездов. В «фотосессии» солнца и луны есть масса нюансов.

«Год готовитесь и 10-15 минут фотографируете, – смеется собеседник «Metro». – К примеру, чтобы снять какой-нибудь объект на фоне гигантской луны, нужно отойти

на километр, а может быть и больше. Луна у вас остается та же, а объект, который вы фотографируете, относительно нее – меньше».

ЩЕКОЧЕТ НЕРВЫ

В день X фотографы порой даже не ложатся спать. На место нужно прибыть как минимум за час. Летом, к примеру, солнце над Петербургом восходит в три ночи.

«Летом я поехал в Дубки фотографировать лунный восход над Кронштадтом. Я подумал, что в парке есть фонари. А там темно! И вот ночь, я еду на самокате с оборудованием. Слышится шум деревьев, грохот залива. Это было запоминающе и страшновато», – рассказывает Васильев.

Поэтому многие фотографы ездят на съемки вместе.

«Ребята предпочитают ездить по два-три человека. На то же северное сияние, например», – добавляет петербуржец.

Коллег по цеху Владислав Васильев порой встречает на месте.

«Как правило, когда вы приезжаете, на месте уже кто-то есть. Или, наоборот, вы уже собираетесь, а кто-то еще только приходит», – говорит горожанин.

ФОТОГРАФ И КОММУНАЛЬЩИК

Фотографирование солнца и луны для Владислава Васильева – хобби. Вот уже более десяти лет он трудится мастером ТСЖ. Под его управлением две высотки на Международной улице. Между тем, основная профессия и сподвигла его на творчество.

«Дома по 25 этажей, и я иногда бываю на крыше. Оттуда видно весь город и, естественно, мне хотелось его рассмотреть поближе. Для этого нужна хорошая аппаратура. И вот так потихонечку восходы, закаты и луну стал снимать. От снимков на обычную мыльницу я дошел до длиннофокусной фотографии», – рассказывает энтузиаст.

Работы петербуржца уже не раз бывали на выставках. Впрочем, зарабатывать на фотоделе он не планирует. Солнце и луна, по словам Владислава, – это для души.

* * *

В издательстве ИД «Стелла» вышел перекидной настенный календарь формата А3, с великолепными фотографиями Владислава Васильева. И конечно, в центре объектива мастера – красавица Луна. В питерском интерьере она выглядит совершенно необычной: иногда загадочной, иногда абсолютно неузнаваемой, почти неземной.

В центре объектива – красавица Луна

Большой проспект и ЗСД

Благовещенский мост и Успенская церковь

Фото Владислава Васильева

Колесница Славы – Главный Штаб

Эрмитаж и Троицкий мост

Фото Владислава Васильева

КНИЖНАЯ
ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ
книжный • кофейня • лекторий

Т 1934

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ, 66

BOOKSTORE

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИГЛАШАЕТ К СОТРУДНИЧЕСТВУ АВТОРОВ

АНО «Книжная лавка писателей» приглашает к сотрудничеству авторов:

- членов Союза писателей России (Санкт-Петербургское отделение Общероссийской организации Союз писателей России. Председатель Борис Орлов)
- членов Союза писателей Санкт-Петербурга (Общественная организация Союз писателей Санкт-Петербурга. Председатель Валерий Попов).

Мы принимаем на реализацию книги, изданные в течение последних 3 лет, то есть книги 2022, 2023, 2024 годов издания в количестве от 3 экземпляров.

Товароведы Книжной лавки писателей работают с авторами по вторникам (с 11:00 до 17:00) и четвергам (с 11:00 до 17:00).

Необходимо заранее согласовать время встречи по электронной почте zakurki@lavkapisateley.spb.ru.

Если у Вас остались вопросы, свяжитесь с менеджерами по закупкам по телефону (812) 679-12-00 (доб. 1).

